

№ 56

Июль 1962 год

ГОД ИЗДАНИЯ 11-Й

ВОЕННАЯ ГАЗЕТА

LE PASSÉ MILITAIRE

1812

1962

150-летие Отечественной Войны

ИЗДАНИЕ
ОБЩЕ - КАДЕТСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ
ПАРИЖ

Общество Любителей Русской Военной старины и Русские воинские организации города Парижа устраивают в воскресенье 28 октября 1962 года **ТОРЖЕСТВЕННОЕ СОБРАНИЕ** в ознаменование 150-летнего юбилея **ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1812 года.**

СОДЕРЖАНИЕ :

Наши богатыри — Н. Ф. Погосский	5
150-лети Бородинской битвы — В. Федуленко	6
Император Александр Первый — Е. Молло	15
Литовцы под Бородиным — полковник Акимов	22
Знамена Великой Армии, отбитые в 1812 году — С. Андоленко	25
Сен-Дизье 14 марта 1814 г. — Иван Сагацкий	30
Казачи Отечественной войны в глазах англичан — Владимир фон Рихтер	31
Хоры на случай прибытия 2-й гренад. дивизии в Смоленск	34
Русский Флот во время Наполеоновских войн — А. Крапивин	35
Гренадеры Российской Императорской Армии — Е. Л. Янковский	36
Русские военные оркестры — П. Волошин	37
В Орловском Бахтина кадетском корпусе — Е. А. Милодаиович	41
Обзор военной печати	45
Хроника «Военной Были»	46
Почтовый Ящик	46
Материалы к библиографии русской военной печати за рубежом — Алексей Геринг (продолжение)	47

Подписная цена во Франции 15 нов. фр. с перес., в Германии 12 марок, в Англии и Австралии — отд. № 5 шил., год подп. — 25 шил., в Сев. Америк. Соедин. Штатах — отд. № 80 ц., год. подп. — 4 дол. 50 ц.

Всю переписку по Издательству направлять по адресу Редакции: 61, rue Chardon - Lagache. Paris 16°

Почтовый Счет: «Le Passé Militaire» 3910 — 12 Paris

ВОЕННАЯ БЫЛЬ

ИЗДАНИЕ ОБЩЕ-КАДЕТСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ ПОД РЕДАКЦИЕЙ А. А. ГЕРИНГА.

АДРЕС РЕДАКЦИИ И КОНТОРЫ — 61, rue Chardon-Lagache Paris (16) MIR 72-55

11-й год издания

№ 56 СЕНТЯБРЬ 1962 Г.

BIMESTRIEL. Prix — 2,50 NF

„ СЛАВНЫЙ ГОД СЕЙ МИНУЛ НО НЕ ПРОЙДУТ СОДЕЯННЫЕ В НЕМ ПОДВИГИ “

Наши богатыри

Доблесть родителей — наследство детей. Дороже этого наследства на земле нет сокровищ: все тленно, все проходящее, — только доблесть никогда не исчезает: она бессмертна.

Конечно, очень многие доблестные дела отцов и предков наших неизвестно или давно забыты; но всегда жив и вековечен *дух* этих забытых дел. Жив он в каждой честной, трудящейся семье, отстраняющейся от всякой неправды и зла, потому что — *«и отцы нам того не приказывали»*. Жив и вековечен он во всех добрых делах и в добрых обычаях всего народа.

Этот-то *дух* и есть бессмертное наследство.

Наша честная семья, — армия наша, — по справедливости может гордиться таким наследством. От Святослава, Петра I, великого Суворова и до последнего рекрута, мы имеем во всех рядах войск *всех чинов* образцы высочайшей военной доблести.

Великие слова Святослава — *«не посрамим земли русские, ляжем ту костью, мертвые бо сраму не имут!»* — приказ Петра перед Полтавской битвой, — *«а о Петре ведайте, что жизнь ему не дорога, — жила бы только Россия во славе и благополучии!»* знаменитый ответ князя Голицина, кидающегося в сечу под Нарвой, — *«скажите царю, что теперь я принадлежу только Богу и России!»* — приказание Суворова на снежных горах Сент-Готардских, — *«заройте меня живого в землю, чтобы я не видал сраму неповиновения!»* — подвиги Казарского, Старичкова, Нахимова, Архипа Осипова и тысячи неизвестных, незаписанных и забытых героических дел неустрашимых воинов наших — составляют неоцененное и вечное наше наследство.

Нет такого славного дела на свете, нет такой беззаветной храбрости и мужества, которым не нашлось бы примера в нашей армии.

Знаменитый солдат Тенгинского полка взрывает пороховой погреб и с тысячами врагов погибает «во славу русского оружия». Солдат Нейшлотского полка обгорает весь на пожаре и не сходит с часов без разводящего, «во славу русской дисциплины». Солдат — городской Петербургский кидается под бешеную тройку, отвращая грозившую обществу опасность. Отрядный шут-балагур Гаврило Сидоров, вызывает охотников послужить плечами своими вместо моста для перевозки, по сложенным ружьям, двух орудий — погибает раздавленный их тяжестью. А таким великодушным людям, которые против штыков и пуль заслоняли собою командиров и охотно принимали верную смерть — и числа нет.

Что же вдохнуло в войска наши великий искренний «солдатский *дух*»? Конечно не описания подвигов и даже не предания; ничего не читал, кое-что слышал — и то половину вранья — наш храбрый безграмотный старик — солдат о Петре Великом, о знаменитом Батюшке Суворове; но промолви перед ним славные имена эти — и он словно сам вырастет.

— Богатыри были! — говорит — ай-ай, богатыри! Не нам чета!

И гордится он этими действительными богатырями русскими; и насквозь пробирала его слава этих имен; и он шел в огонь, как будто за ними самими; тут-же, по пламенным следам их, лоском ложилась перед ним или бежала без оглядки супротивная сила... Не то — он стоял стеной, камнем, до последней капли крови.

Этот непобедимый дух и есть наследственная доблесть армии.

Но время идет вперед: старики умирают, молодежь растет и растет она, вместе с Русью родной, как-то по сказочному, именно по богатырски: кто бы десять лет тому назад мог, — не то, сказать, а подумать, — что и звания неволи не будет на Руси, и все станут равны перед законом? Кто за пять-шесть лет мог бы вообразить, что солдат вдруг станет неприкосновенен, как дворянин природный? И год назад думали-ли мы, что каждому солдату будет так широко открыта дорога в офицерское звание, — только сам захоти да поусердствуй?

Какая же сила так быстро и без всяких видимых трудностей двинула нас вперед, словно мановением державной руки нашего Великого Государя, преобразила, в корень изменила и переродила все то, что накоплялось многими веками и что, казалось, срослось и сжилось уже с нашим существованием? Как-же называется эта богатырская сила?

Сила эта — тот же дух доблести; это дух любви и правды. Нет богатырства могучее этого

духа. Им то и велико наше время; его и благословляет из конца в конец Россия.

Благословим же его всеми помыслами нашими!

Выдвинутые этой могучей силой вперед, мы уже не можем и не имеем права тащить с собой всю прошлую простоту нашу; время темных, безграмотных богатырей миновало. Светом свободы, любви и чести озарило всех нас; будем же (доброй нашей волею сознательно преданными и достойными нашего нового светлого положения!

Посильно изучая все, что должно знать доброму гражданину и солдату, верному Царю и Отечеству — прежде всего твердо сохраним память об отцах наших и о доблестных делах их.

А впредь — ни одно честное дело товарищей не должно погибнуть в неизвестности и забытии: во всех родах войск будут вестись подробные описания подвигов *всех чинов*.

И это будет лучшая нравственная солдатская книга.

1873 г.

Н. Ф. Погосский

(забытый ныне военный писатель)

150-летие Бородинской битвы 1812-1962

Народ, хранящий заветы Петра Великого и Суворова, побежден быть не может

Мир, заключенный в 1807 году в Тильзите, между Императором Александром I-м и Наполеоном, не был встречен с удовлетворением русским народом. Его национальные чувства были ущемлены этим миром и, под давлением общественного мнения, правительство стало готовиться к преобразованию армии и устранению тех дефектов, которые привели русские войска к неудачам в 1805 и 1807 годах, при столкновениях с Наполеоном. Увлечение уставами Фридриха 2-го и прусской военной системой, после смерти Императрицы Екатерины 2-ой, понизили качество нашей армии и это было одной из главных причин нашего поражения под Аустерлицем и Фридландом. Заветы Императора Петра Великого и Суворова были креп-

ко забыты и, созданная ими, русская военная доктрина, искусство побеждать, была заменена немецкой.

Второй причиной недовольства Тильзитским миром было присоединение России к континентальной системе, направленной против Англии, что очень сильно ударило по русской заграничной торговле и частному хозяйству и тяжело стало отражаться на государственном бюджете — рос дефицит.

Наполеон, пожираемый жаждой власти и мирового владычества, так же не был доволен Тильзитским миром. Он стремился к полному покорению России и включению ее в свою мировую империю. К началу 1812 года, грандиозные приготовления к походу на Россию подходили к концу, войска французской армии начали стягиваться к нашим границам.

Российское правительство знало, конечно, об этих приготовлениях и, по мере своих сил, готовилось к войне. К сожалению, даже в 1812 году, составление плана войны с Наполеоном

было поручено немецкому генералу Пфулю. Деятельность этого поклонника Фридриха 2-го выразилась в том, что он разделил слабые русские войска на три армии и разбросал их вдоль западной границы на протяжении 500 верст. Перерыв между 1 и 2 армией был в 100 верст, а между 2 и 3 армией лежало бездорожное дикое Полесье. Затем, он устроил, так называемый, Дрисский укрепленный лагерь, занимавший фланговое положение в отношении путей на Петербург и Москву. Впоследствии, этот лагерь, как образец невежества, погубил бы нашу армию, если бы Барклай де Толли занял его, согласно плана Пфуля в случае войны с Наполеоном. Этот немецкий стратег совершенно не учитывал волю противника да еще того, как Наполеон, и его 600 тысяч войск против наших 200, что позволило Наполеону действовать против любой из наших армий с громадным превосходством в силах. Весь этот «мудрый» план рухнул как карточный домик, после вторжения Наполеона в Россию.

Отечественная война началась 12-го июня 1812 года, когда разноплеменная армия Наполеона в 600 тысяч человек переправилась через реку Неман у гор. Ковны и стала быстро углубляться в Российские просторы (Все даны по старому стилю). Для обеспечения своих флангов, Наполеон направил часть войск по следующим направлениям: — корпус Макдональда к Митаве и Бауску, корпус Удино и Сен Сира к Полоцку, австрийский корпус Шварценберга и франц. Ренье к Дрогичину. Главные силы наступали на г. Вильну, которую и заняли, без боя, 16 июня.

Благодаря плану Пфуля, 2-я армия Багратиона в 40 тысяч чел. была сразу отрезана от 1-й армии Барклая де Толли, и к 29 июня разрыв дошел до 290 верст, что легко могло привести к ее уничтожению, благодаря двойному превосходству преследующего ее противника. Только искусное маневрование и мужество ученика Суворова, Багратиона и самоотверженность наших войск, позволяли ей соединиться с 1-й армией у Смоленска, вырвав у Наполеона возможность разбить наши армии по отдельности.

После соединения двух армий, встал важный вопрос о едином командовании, и, по рекомендации Чрезвычайного Комитета, образованного для нужд войны, Император Александр I-й назначил 8-го августа главнокомандующим всеми войсками фельдмаршала князя М. И. Кутузова. Престарелый сподвижник и ученик Суворова обладал огромным военным и государственным опытом и имя Кутузова было очень популярно в русской армии. 16-го августа Кутузов прибыл в действующую армию. Несмотря на общее желание русского народа,

требовавшего решительного сражения, Кутузов одобрил выжидательную стратегию Барклая де Толли. Неравенство сил было еще велико и отступление, с нанесением коротких ударов, было единственным правильным ведением войны с полчищами Наполеона.

Но, как только прибыло пополнение с ген. Милорадовичем, Кутузов принял решение дать французам бой и было приступлено к нахождению выгодной позиции. Выбранное для сражения место у села Бородина находилось в 12 верстах от Можайска и в 120 от Москвы. Бородинское поле было слегка холмистое в центре, что позволяло легко наблюдать за противником, выгодно расположить артиллерию и создать оборону в глубину. Правый фланг русских войск доходил до деревни Маслово, у реки Москвы и шел по берегу реки Колоча, при чем, наш восточный берег был крутой и обрывистый, высота его достигала местами до 10 метров, что служило естественной и надежной обороной нашего фланга. От дер. Горки до дер. Семеновской шел центр фронта, где опорным пунктом была высота, названная Курганной (центральной), местность перед центром позиции была удобна для действий больших соединений пехоты, конницы и артиллерии. Левый фланг считался от Семеновских флешей до дер. Утицы, расположенной в лесистой местности, пересеченной оврагами и, кроме проселочной старой Смоленской дороги, не имел путей для скорых и удобных массовых движений войск.

Кутузов прекрасно использовал местность и заставил Наполеона либо атаковать наши войска в лоб от Курганной высоты до Семеновских флешей, либо произвести сложное и глубокое обходное движение одного из наших флангов, что заставило бы отделить для такого сложного маневра значительную массу войск, но Наполеон не мог уже себе этого позволить, имея только незначительный перевес в силах, а так же начиная понимать, что русские войска — это не австрийцы и не прусаки, ибо за прошедшие почти три месяца со времени вторжения в Россию, он узнал удивительную и неустрашимую стойкость в сопротивлении и страшные по силе контр-атаки русской армии, а так же их искусное маневрирование. Разбившее все хитроумные планы Наполеона об окружении, отходивших с боями, наших армий.

Нужно заметить, что первоначальный фронт позиции был другой — наш левый фланг оканчивался у дер. Шевардино, где сразу и был построен редут, но потом Кутузов, для большего обеспечения фланга от обхода, отвел его на дер. Семеновскую и дер. Утицу, а Шевардинский редут оставил, как передовой опорный пункт.

По приказанию Кутузова, был построен, на выбранной позиции, ряд укреплений, — так в центре, на Курганной высоте, была построена артиллерийская позиция, известная под названием батареи Раевского. За рекой Каменкой, впереди села Семеновского, на холме было создано три артиллерийских позиции, названные Семеновскими флешами или Багратионовыми. Все артиллерийские позиции имели огневое взаимодействие и могли поддерживать пехоту и конницу при обороне и контр-атаке. 23-го августа 1812 года, Кутузов донес Императору Александру I-му: «Позиция, в которой я остановился при селе Бородине, в 12 верстах впереди Можайска, — одна из лучших, какую только на плоских местах найти можно. Слабое место сей позиции, которое находится с левого фланга, постараюсь я исправить посредством искусства. Желательно, чтобы неприятель атаковал нас в сей позиции, в таком случае имею большую надежду к победе, но ежели он, найдя мою позицию крепкой, маневрировать будет по дорогам, ведущим к Москве, тогда должен буду итти и стать позади Можайска, где все сии дороги сходятся.»

Войска были распределены следующим образом: правый фланг и центр, включая батарею Раевского, 1-я армия ген. Барклая де Толли, на фланге наблюдение и разведку вели 5 казачьих полков атамана Платова и в особом резерве, за флангом, стояли 1-й кавалерийский корпус ген. Уварова и девять казачьих полков атамана Платова; левый фланг до дер. Утицы, включая Шевардино, 2-я армия ген. Багратиона, разведку и наблюдение на фланге у дер. Утицы вели 6 казачьих полков ген. Карпова. Главный резерв Кутузова состоял из 2-х корпусов пехоты и одной кирасирской дивизии, расположенных в центре у дер. Князьково, артил. резерв из 300 орудий стоял у дер. Псареве. По фронту Бородинская позиция занимала около 5-ти верст, в глубину 3-4 версты. В двух русских армиях насчитывалось от 103 до 105 тысяч, казаков до 9 тысяч и 10 тысяч ратников ополчения (их, конечно, нельзя сравнивать с солдатами регулярной армии), артил. орудий 650. У Наполеона было около 135 тысяч и 587 орудий.

Хотя наша армия численно все-же уступала французской, но позади была Москва и отдать ее без боя казалось позором. Кутузов смело шел на это сражение, он знал свою армию и был в ней уверен. Но он так же знал, что с такими силами ему будет трудно разбить Наполеона, ибо тот еще не был достаточно истощен. В задачу Кутузова входило создать на Бородинском поле активную оборону и нанести возможно больше потерь зарвавшимся французам, подорвать их силы и после, без особых

потерь для своих войск, уничтожить.

24-го августа показался неприятель и, около 12 часов дня, их главные силы подошли к Шевардину. Редут в течении дня переходил из рук в руки и только к ночи, после жестокого кровопролития, Кутузов приказал оставить Шевардино. В течении этого боя, Кутузов окончательно установил что Наполеон группирует свои войска у дер. Шевардино и главного удара следует ждать на наш левый фланг и центр. Для усиления своего левого фланга, Кутузов переводит 3-й корпус ген. Тучкова I-го в лес у дер. Утица и за ним 10 тысяч ратников ополчения.

Следующий день 25 августа прошел в приготовлениях к бою.

Кутузов позаботился не только об укреплении своей позиции, но и о моральной подготовке войск, свято исполняя заветы Суворова, — по всему фронту была обнесена чудотворная икона Смоленской Божьей Матери и служились молебны. Русские люди глубоко сознавали грозную опасность для своей родины и с горячей молитвой обращались к Господу Богу за помощью и жертвенно готовились отдать свои жизни за Веру, Царя и Отечество.

Очень ярко этот момент описывается у Л. Толстого и Мордовцева: —

«Из под горы от Бородина поднималось церковное шествие. Впереди всех, по пыльной дороге, стройно шла пехота с снятыми киверами и ружьями, опущенными книзу. Позади пехоты слышалось церковное пение... Матушку несут. Заступницу... «солдаты и офицеры несли большую, с черным ликом в окладе икону». Это была икона, вывезенная из Смоленска, и с того времени возимая за армией ... «Солдаты, работавшие у возводимых наближающих холмах насыпях для установки орудий, бросали заступы и лопаты, друг за дружкой бежали навстречу иконе, некоторые при ее приближении бросались ниц на землю, среди самой дороги, для того, чтобы через них прошла несомая по войскам святыня... руки, на минуту оставившие ружье или лопату, широко и размахисто вскидывались в воздух, чтобы перекрестить тело, ... губы шептали молитву.»

«Взойдя на гору, икона остановилась; державшие на полотенцах икону люди переменились, дьячки зажгли вновь кадила, и начался молебен... Толпа, окружавшая икону, вдруг раскрылась... Кто-то, вероятно очень важное лицо, судя по поспешности, с которою перед ним строились, подходил к иконе. Это был Кутузов, объезжавший позицию... Он прекрестился привычным жестом, достал пучок до земли и, тяжело вздохнув, опустил свою серую голову... Когда кончился молебен, Кутузов подошел к иконе, тяжело опустился на ко-

лена, кланяясь в землю, и долго пытался и не мог встать от слабости. Наконец он встал и приложился к иконе и опять поклонился, дотронувшись рукой до земли. Генералы последовали его примеру; потом офицеры и за ними солдаты и ополченцы».

С приближением ночи наступила тишина. Ожидание боя, прохладная августовская ночь и прошедший дождик не располагали ко сну войска противников. Наполеон и его армия с нетерпением ждали утра, чтобы одним мощным ударом разгромить и уничтожить русскую армию и закончить победоносно войну. Они хотели этой битвы, ибо устали от непомерных походов по нашей стране и нерешительных сражений, стоивших им огромных потерь из за небывалого сопротивления русских.

Русские тоже желали этого боя, чтобы дать достойный отпор дерзкому врагу и освободить родину от нашествия иноплемеников.

Разсвет 26-го августа застал франц. армию на ногах, войскам читалось воззвание Наполеона, — смысл которого сводился к тому, что если вы победите, то будете иметь все нужное, удобные квартиры и скорое возвращение домой и что потомство с гордостью скажет о вас — «он был в великой битве под Москвой». Командный пункт Наполеон установил на холме у дер. Шевардино и приказал вице-королю Евгению Богарнэ двинуть свои войска на село Бородино, взять его, переправиться через реку Колочу произвести демонстрацию на правом русском фланге и заставить их держать там свои силы, пока не будет разбит русский левый фланг.

С первым выстрелом, прорезавшим предразсветную тишину, Кутузов выехал на свой командный пункт у дер. Горки.

В пятом часу утра, войска Богарнэ начали атаку села Бородина, занятого полком наших гвардейских егерей. После упорного боя, длившегося более часа, егеря были оттеснены из села за речку Колоча. С подошедшими резервами егеря перекололи зарвавшегося противника вместе с их командиром ген. Плезони и снова захватив мост, при содействии команды матросов-саперов, под командованием мичмана Лермонтова, его сожгли. (В числе многих памятников, воздвигнутых на Бородинском поле, есть и этим героям у бывшего моста через Колочу, на нем есть надпись: «В лейб гвардии Егерском полку солдат убито 693, матросов 11»).

Вскоре после начала атаки у с. Бородина, начался сильный артил. обстрел Семеновских флешей и деревни Семеновской, а в 6 утра была произведена первая атака флешей 2-мя франц. дивизиями генералов Компана и Дессэ, но картечь наших пушек и фланговый ружейный огонь егерей ген. Шаховского, отбива-

ет французов с большим для них уроном и они в беспорядке бегут назад.

Одновременно с атакой на флеш, франц. корпус маршала Понятовского переходит в наступление на дер. Утицу, намереваясь выйти во фланг армии Багратиона. Наша 1-я гренадерская дивизия, егеря и казаки ген. Карпова дают ему достойный отпор.

Французы, приведя в порядок свои расстроенные, после неудачной атаки, дивизии, начинают новую артил. подготовку, и, около 8 часов утра, началась вторая атака на флеш Багратиона. Наша артиллерия опустошала ряды, но они неуклонно шли вперед. Тогда гренадерская дивизия бросилась на врага в штыки, наступающие франц. колонны пришли в замешательство, но к ним на помощь бросился маршал Даву со своими дивизиями и они прорвались на флеш. Багратион бросает на поддержку гренадерской дивизии ген. Воронцова несколько батальонов 27 пех. дивизии и они штыками отбрасывают врага, а наши кавалерийские полки довершили поражение наступающих французов и захватил еще 12 орудий. Противник потерял ранеными ген. Дессэ и Тест, а маршал Даву был контужен. На поддержку отброшенным войскам, Наполеон шлет корпуса Нея, Жюно и кавалерию Мюрата, третья атака почти сливается со второй, и, несмотря на сильный урон, французы захватывают флеш.

С подошедшими резервами, Багратион ведет свои войска в контр-атаку и уничтожает, захвативших флеш, французов, а наступавших с флангов, после целого ряда штыковых и конных атак, отбрасывает в исходное положение. Здесь особенно отличилась дивизия ген. Неверовского и кирасиры. Доблестная гренадерская пехотная дивизия ген. Воронцова почти вся легла на защите флешей, а сам он, раненый и окровавленный, покрытый разорванным и пропитанным кровью знаменем, вынесен из боя солдатами. Французы потеряли ранеными еще трех генералов — Компана, Дюппелена и Раппа.

В 8 часов утра, Кутузов переводит из резерва на поддержку левого фланга три гвардейских пех. полка, три кирасирских полка, восемь сводных гренадерских батальонов и около 150 орудий, и приказывает 2-му пех. корпусу ген. Багговута перейти на левый фланг.

Наполеон, как передают очевидцы, был ошеломлен неудачей своих войск. Он привык к быстрым победам и любил приказывать своим маршалам: «Пойдите и принесите мне победу». Теперь же его маршалы требовали только подкреплений и подкреплений и доносили об огромных потерях. Его уверенность заколебалась. Один из очевидцев, француз Шамбрэ, так описывает этот момент: «Нерешительный против своего обыкновения, он не отдавал еще

приказаний, когда один из его ординарцев, посланный к Нею, возвратясь, известил его, что Багратион вновь предпринял наступление и что безотлагательно должно поддержать его (Нея)... Это новое донесение увеличило нерешительность Наполеона; он советуется с Бертье, но приказание не отдает...» Сегюр тоже описывает этот случай: «Когда силы Мюрата и Нея истощились, они послали к Наполеону за подкреплением. Тогда увидели Наполеона пораженного колебанием, до того времени ему неизвестным; он долго советывался; наконец, после повторения приказаний молодой гвардии и отмены их, решил, что появление войск Фриана и Мобура на высотах будет достаточным. Кутузов пользуется этим, подвигает свои резервы и часть гвардии».

Наконец, около 10 часов утра, Наполеон решает усилить свои войска против флешей еще одной гвардейской дивизией Фриана а количество пушек доводит до 300. После ураганного огня артиллерии, Наполеон посылает в атаку флешей более 30 тысяч войск и захватывает флешу, но опять, после жестокого боя, ген. Коновницын выгоняет французов. У нас ранены ген. Неверовский и князь Горчаков.

Одновременно с 4-й атакой на флешу, была атакована, в первый раз, Курганная батарея Раевского, но французы были отбиты и в беспорядке бежали. Тогда французы усиливают свою артиллерию и, после жестокого обстрела, Богарнэ бросает свои войска во вторую атаку и бригада ген. Бонами врывается на батарею, где в неравном бою гибнут наши артиллеристы и уцелевшая пехота.

Прибывший в этот момент, по поручению Кутузова, ген. Ермолов схватывает 3-й батальон Уфимского пех. полка и бросается с ним в штыки на захваченную батарею. Его примеру следуют части 26 и 12 пех. дивизий, а три конно-артил. роты полковника Никитина открывают огонь по противнику. Разсвирепевшие солдаты кололи французов, как баранов, это была буквальная резня, — и только слышались крики — «бей их, руби».

В этой жестокой схватке французы потеряли ранеными трех дивизионных генералов — Морана, Пажоля и Дефранса, а ген. Бонами был взят в плен. Наши потери были тоже велики — на батарее был убит начальник артиллерии ген. Кутайсов и ранены ген. Монахтин и Крейц.

Между тем, атаки на Багратионовы флешу продолжались почти без перерыва. Наполеон упрямо бросал свои войска в лобовые атаки, а Багратион отбивал их контратаками. Бои сопровождались яростным ожесточением, упорством и мужеством, потери сторон, по тем временам, были огромны.

Бородинское поле представляло из себя

жуткое зрелище: на сравнительно небольшой площади гремело почти тысяча орудий, в штыковых боях сталкивались пехотные массы по 20-30 тысяч человек; конница бросалась в атаку бригадами, дивизиями и корпусами; вот идут в атаку, под губительным ружейным огнем и артиллерии стройные колонны, вот бросаются друг на друга в штыки, слышатся дикие крики, лязг штыков и ярость озверевших людей доходит до предела, и вдруг одна сторона обращается в бегущую толпу, конница налетает на пехотные карре, но под огнем сбивается в кучи и поражаемая обращается в бегство, вот успешная конная атака, пехота бежит поражаемая сабельными ударами и пиками, несясь по полю лошади без всадников, кричат раненые, падают убитые.

«Молчаливый и угрюмый сидел в эти часы Наполеон на командном пункте, почти не вмешиваясь в ход боя»¹⁾.

«На другом конце поля, на командном пункте у Горицкой высоты сидел Кутузов»²⁾.

Он тоже сидел молча и неподвижно, наклонив свою старую голову и как будто прислушивался к шуму боя. Многие могли подумать, что он спит, но его рука иногда шевелилась в рукояткой плети чертила что то на песке.

Современники и некоторые историки обвиняли обоих полководцев в бездейственности, но «между двумя великими полководцами в эти часы шла титаническая борьба. Только глядясь в то, что происходило на поле боя, вдумываясь в значение битвы, в историю всей войны, можно было понять, какого напряжения стоила эта кажущаяся безучастность, это молчаливое раздумье, в которое погрузились и Наполеон и Кутузов»³⁾.

«Кутузов не суетился, не дергал командующих армиями и всем своим видом как бы говорил своему штабу: «Вы видите, несмотря на все тяжелые события и ужасы, о которых вы мне докладываете, все идет, как я предвидел»⁴⁾

Кутузов прекрасно знал русский народ, знал, что на Бородинском поле русский офицер и солдат защищают свою родину от нашествия западных врагов и будут биться до последней капли крови.

Франц. историк Пелле так пишет о Бородинском сражении: «Преданность генералов, непоколебимая храбрость солдат спасли Россию. Другие войска были бы разбиты и, может быть, уничтожены задолго до полудня».

«Упорство русских приобрело ужасный, зловещий характер», пишет другой франц. историк.

За 6 часов боя, с 5 утра и до 11 дня французы, ведя непрерывные атаки на флешу Багратиона, неся огромные потери, тщетно пытались

^{1) 2) 3) 4)} Рагин — Полководец Кутузов.

прорвать наш левый фланг. Наполеон к этому участку не превышавшему одной версты по фронту, сосредоточил свои лучшие части: — 1-й франц. корпус маршала Даву, немецко-португальский 3-й корпус маршала Нея, немецкий 8-й корпус маршала Жюно и три кавалерийских корпуса маршала Мюрата.

К 11 часам дня Наполеон усиливает количество своей артиллерии против флешей до 400 пушек и в атаку бросает более 45 тысяч пехоты и конницы. Багратион встречает их яростной контратакой во главе своих 3-х пех. и 2-х кавал. дивизий. Франц. историк Голлуа пишет про этот момент следующее:

«Маршалы принуждены остановиться, Кутузов, пользуясь этим неожиданным случаем, призывает весь свой резерв до самой гвардии на свой левый фланг. Багратион восстанавливает свою линию, и вскоре его огонь опустошает ряды французов. Его атака стремительна, пехота, артиллерия, конница усиливаются в одно время сбить французов».

Этот кровавый бой, где был смертельно ранен любимый войсками Багратион, очень ярко описывает участник сражения Бутурлин:

«Князь Багратион, видя, что неприятель выигрывает место, приказал войскам своим выступить ему навстречу. Вся линия колонн левого крыла россиян, двинувшись вперед скорым шагом, ударила в штыки на линию неприятельскую. Натиск был ужасен... впоследствии ужасная сеча, в которой и с той и другой стороны истощены были чудеса сверх-естественной храбрости. Пешие, конные и артиллеристы обеих сторон, вместе перемешавшись, представляли страшное зрелище неправильной громады воинов, препирающихся один на один с бешенством отчаяния. Резервы, кипящие храбростью, но удерживаемые дисциплиною, одни только соблюдали ряды свои и стояли неподвижно. Хотя неприятель был в превосходном числе, однакож россияне с выгодою держались, доколе несчастье, случайно приключившееся, не переменяло всего положения дел. Кн. Багратион, начальник его штаба ген.-майор гр. Сен-При и многие другие генералы были ранеными, нашлись принужденными оставить место сражения. Войска, не управляемые более начальниками, начали отступать. Сей оборот мог бы иметь самые пагубные следствия: если бы ген.-лейтенант Коновницын не принял тотчас начальства, упраздненного отсутствием князя Багратиона. Он отвел все войска, в деле находившиеся, за овраг Семеновский, занял высоты при сей деревне и с неимоверной скоростью поставил на оных сильные батареи, через то самое удержал неприятеля».

Потеря князя Багратиона имела почти решающее значение в обороне флешей, войска потеряли храбрейшего вождя. Кутузов тяжело

пережил эту большую потерю для русской армии, и в своей реляции пишет: — «Сей несчастный случай, весьма растроил удачное действие левого нашего крыла, доселе имевшего поверхность над неприятелем».

В последний момент защиты флешей, около 12 часов дня, был убит генерал Тучков 4-й.

Кутузов, вместо смертельно раненого Багратиона, назначает командующим 2-й армией ген. Дохтурова, и пишет ему: — «Димитрий Сергеевич, держаться надо до последней крайности». Конечно, Кутузов знал кого назначал, и был уверен, что армия будет в надежных руках.

Французы, желая использовать успех после взятия флешей, атакуют дер. Семеновскую, но с большими потерями отбрасываются назад. Вторая атака последовала после ураганной артиллерийской подготовки, — вперед была брошена конная масса кирасир Нансути и Латур-Мобура на карре трех гвардейских полков — Измайловский, Литовский и Финляндский и на 3-ю пех. дивизию. Корпус Нансути три раза бросался в атаку на карре и три раза поворачивал обратно и в конце отступил, понес большие потери. Корпус Латур-Мобура тоже был отбит нашей кавалерией, но все же фронт отодвинули на восточный берег речки Семеновки. Против дер. Утицы, Тучков 1-ый перейдя в наступление, потеснил маршала Понятовского, но вскоре получил смертельную рану и его заменил ген. Баговут.

Маршалы снова настойчиво требуют у Наполеона подкреплений, и, наконец, после долгих колебаний, Наполеон решает направить из резерва дивизию молодой гвардии ген. Рогэ, для новой атаки нашего левого фланга. Одновременно, он решает начать новую атаку на батарею Раевского, усилив войска Богарне другой дивизией гвардии.

В момент наибольшего напряжения боя на нашем левом фланге, после 11.30 дня, Кутузов проводит свой замечательный маневр, разработанный до начала сражения. — Кавалерийский корпус ген. Уварова и 9 полков атамана Платова, сосредоточенные на нашем правом фланге, в количестве 8 тысяч всадников и 36 орудий, Кутузов бросает в обход и тыл левого фланга противника. Этот конный налет заставил Наполеона прекратить атаки на наш левый фланг. Около 12 часов дня, внезапным нападением у дер. Беззубово, кавалерия Уварова разбивает франко-итальянскую кавалерийскую бригаду и пехотные части противника и далее атакует и отбрасывает на Бородино войска генералов Орнано и Дельзона. Казаки Платова, перейдя речку Войну, прорвались в глубокий тыл противника и на широком фронте начали громить обозы. Испуганные обозные лошади понесли свои тележки в разные стороны, сши-

бая все на своем пути, поднимая тучи пыли и сея еще большую панику.

Ошеломленный начальник франц. левого фланга, вице-король Богарнэ, вообразил что русские предприняли крупную операцию удара по его флангу, и что сейчас за кавалерией появится пехота, как это было принято по тактическим правилам того времени, срочно перебрасывает всю итальянскую гвардию, 6-ю дивизию тяжелой кавалерии и егерские полки к месту боя.

Наполеон, встревоженный внезапным нападением русских, вместо атак нашего левого фланга, переводит на свой левый фланг две гвардейские дивизии Рогэ и Клаперада и спешит к месту нового сражения. Перерыв боя на главном участке длится два часа, что дает нашим войскам возможность спокойно устроиться на новой позиции, пополнить резервы и артиллерию.

Маневр, произведенный Кутузовым, еще более подчеркивает его полководческий талант и способность предвидеть намерения противника и навязать ему свою волю.

Французский ген. Саразен так описывает этот маневр Кутузова: — «Русский полководец успел чрезвычайно ослабить нашу первую линию. Он начал новую битву. Наше левое крыло было опрокинуто в овраг и отброшено на Бородино; наш центр тотчас был атакован и принужден к отступлению. Большие подкрепления, посланные Наполеоном, остановили успех русских, колонны коих остановились, как металлическая стена».

После ликвидации прорыва и успокоения на своем левом фланге, Наполеон возвращается на свой командный пункт у Шевардина только после 2-х часов дня. О прорыве нашего левого фланга он уже не думает, хотя и были заняты флешы Багратиона и дер. Семеновская, но французские войска не достигли поставленной им задачи, — наш левый фланг остался непоколебим.

Теперь Наполеон обрушивает огонь своей артиллерии на батарею Раевского и подготавливает ее штурм. Всю свою ярость французы обратили сейчас на нашу центральную батарею, очевидно надеясь, что может быть здесь удастся прорвать наш фронт. Наполеон послал во фронтальную атаку три пех. дивизии — Морана, Жерара и Брусье и дивизию молодой гвардии Клаперада, кавалерийские корпуса Монбрена, Латур-Мобура и Груши шли в атаку с флангов. Части 5-го кирасирского полка, во главе с командиром 2-го кавал. корпуса Огюстом Коленкуром, ворвались на батарею с тыла, но в рукопашной схватке они были перебиты вместе с ген. Коленкуром, но затем франц. пех. и кавал. дивизии обрушились на батарею Раевского со всех сторон, наша кар-

течь рвала лезших врагов, русские стреляли и кололи и били прикладами врывавшихся на бруствер, начальник 24 пех. дивизии ген. Лихачев кричал: «Братцы, позади Москва», и вместе со своими героями солдатами рубил своей шашкой налезавших французов. Несмотря на героическую защиту батареи, французы массой подавили нашу оборону. Ров и проходы были завалены телами убитых французов и русских. Израненный штыками ген. Лихачев был взят в плен.

Желая использовать успех взятия батареи, три франц. кавалерийских корпуса пошли в атаку на нашу отходящую пехоту, но два наших кавал. корпуса и Кавалергардский и лейб-гвардии Конный полки, во главе с Барклаем де Толли, бросились в контратаку. Это было самое крупное столкновение конных масс в Бородинском бою. Рукопашная сеча носила ожесточенный характер и длилась около часа. Французы были отброшены и понесли большие потери — были убиты генералы Шастель, Жерар и Гювр и ранены Груши и Доманжэ. Сами французы писали после, что Бородинское поле стало могилой французской кавалерии, и большая часть ее погибла на батарее Раевского и около нее.

Новой контр-атаки для отбития батареи, русское командование более не производило, — маленькое полевое укрепление исполнило свою задачу прекрасно, выдержав пять атак и нанеся огромный урон пехоте и кавалерии противника и не было причин расходовать резервы для такого пункта.

Русская пехота была отведена на 600-800 шагов от Курганной высоты и стала на высотах за Горицким оврагом. В это время, на крайнем левом фланге, у старой Смоленской дороги, после 3-х часов дня разгорелся встречный бой с франц. корпусом Понятовского.

Все попытки были отбиты и противник был потеснен, но для выравнивания позиции с соседними войсками, ген. Дохтуров приказал отвести войска Багговута на холмы за речкой Семеновкой. На кургане остались только казачьи части ген. Карпова.

По всему фронту началась сильная артиллерийская перестрелка. По признанию самих французов — «огонь с русских батарей был так силен, что они принуждены были скрыть свои войска в оврагах и рытвинах, а гв. дивизия Клаперада, находившаяся за большим люнетом, должна была стать на колени, и все они более часа оставались в сем затруднительном положении, пока не прекратилась канонада».

В начале артиллерийской перестрелки, Наполеон выехал, в сопровождении маршалов, для осмотра поля сражения.

Привыкнув к легким победам, когда вражеские армии, после 1-2 часов боя, беспорядоч-

ными толпами сдавались в плен со своими знаменами, орудиями и униженными генералами, здесь на поле, он увидел только горы трупов убитых французов и русских и услышал стоны и крики массы раненых.

Французский историк Тьер так описывает этот выезд: «Наполеон объезжает линию вскачь и видит русских, стоящих неподвижно в плотных массах, не представляя возможности нигде легко взяться за них».

Ген. Пеллэ рассказывает интересные подробности о переговорах Наполеона с маршалами на Бородинском поле: «Наполеон, оставив свою свиту позади, прискакал в маленький лесок, что против Горок. Бертье, Дюрок, Бессьер и один паж сопровождали его. Мюрат подъехал к нему. Они находились под обстрелом русских стрелков. Наполеон настаивал на желании овладеть редутom (у дер. Горки) и повторял, что победа не произвела еще тех последствий, которых должно было ожидать. Все сопутствующие ему были против атаки. Бертье сказал, что они находятся за 600 лье от Франции, потеряли уже более 30 генералов, а чтобы овладеть этой крепкой позицией, пожертвуют лучшими солдатами и возьмут лишь несколько сот пленных. Бессьер прибавил, что должно сохранять гвардию, как последний резерв армии, и что он отвечает Франции за императора».

Маршалы и, конечно, сам Наполеон, прекрасно понимали, что продвижение на несколько сот шагов не будет иметь никакого значения и битву надо заканчивать, ибо все усилия французской армии потерпели неудачу. Хотя Наполеон достиг тактического успеха — укрепленные пункты на левом фланге и центре были заняты и армия продвинулась на несколько сот шагов, но цели своей он не достиг. Русскую армию не уничтожил и на быстрое окончание войны были потеряны надежда, что являлось его стратегическим поражением.

Несмотря на это, в Париж было послано извещение о блестящей победе над русской армией. Этот «победный» Наполеоновский бюллетень, франц. историк Сегюр насмешливо называет «самым лживым».

В добавление к этому бюллетеню, Наполеон, как бы оправдываясь перед современниками и будущими историками, так поясняет свои действия генералам Дюма и Дарю: — Удивитесь, что я не употребил своих резервов, чтобы приобрести более значительные результаты. Но я должен был их сохранять, чтобы нанести решительный удар в большой битве, которую нам даст неприятель под Москвой».

Конечно, эти слова были пустой бравадой, французская армия, обезкровленная потерей в Бородинском бою около 50 тысяч человек, ошеломленная небывалым сопротивлением,

страшно утомленная и потерявшая уверенность в победе, не могла уже надеяться на успех, даже бросив в бой свой последний нетронутый резерв — старую императорскую гвардию, к тому же насчитывающую всего только около 18 тысяч человек пехоты и кавалерии.

Когда Наполеон решал с маршалами дальнейшие свои действия, Кутузов писал Барклаю де Толли: «Я из всех движений неприятельских вижу что он не менее нас ослабел в сие сражение, и потому, завязавши уже дело с ним, решился в сегодняшнюю ночь устроить все войско в порядок, снабдить артиллерию новыми зарядами и завтра возобновить сражение с неприятелем...».

По армии Кутузов отдал краткий приказ: «Завтра атакуем».

Этот приказ вызвал в войсках сильный подъем и уверенность, никто больше не сомневался в том, что сражение не проиграно.

Наступающая темнота заставила прекратить артиллерийскую дуэль и после 6-ти часов вечера кровавое Бородинское сражение окончилось.

Много лет спустя, Наполеон в своих воспоминаниях признается: «Из пятидесяти сражений мною данных, в битве под Москвой выказано наиболее доблести и одержан наименьший успех... «Из всех моих сражений самое ужасное то, что я дал под Москвой. Французы показали себя в нем достойными одержать победу, а русские — называться непобедимыми».

Замолкнувший грохот орудий на Бородинском поле сменился стоном раненых. Французские доктора Роос, Цезарь Ложье и другие в своих воспоминаниях дают жуткую картину Бородинского поля после сражения: — «Раненые звали родных, но позади был Гжатск, а не Дрезден», с горькой иронией пишет франц. врач «Боевой хмель прошел и раненый вестфалец проклинал Наполеона и его брата вестфальского короля, и жалел, что не может им отомстить».

Таких искалеченных вестфальцев, итальянцев, поляков, немцев, португальцев, французов, голландцев, швейцарцев были десятки тысяч. Они плакали, стонали, некоторые бредили, молили о помощи, но их некому было подобрать, некуда положить, и они лежали на холмах и в долинах, их стоны доносились из оврагов, из под груды мертвых тел. Близилась ночь, полил дождь, дул резкий осенний ветер. Становилось холодно, темно. Раненые умирали».

Те-же доктора писали о том, как вели себя в тоже время раненые русские: «Они почти не стонали, не жаловались, некоторые отказывались говорить с врачами, некоторые сами креп-

ко перевязывали перебитые ноги ветками деревьев и медленно ползли на свою сторону.»

«Никакое бедствие, никакое проигранное сражение», пишет Ложье, «несравнимо по ужасам с Бородинским полем, на котором мы — победители. Все потрясены, подавлены. Армия неподвижна. Раненым не хватает места, кругом трупы людей, коней, лужи крови, брошенное оружие, разрушенные и сгоревшие дома, земля изрытая ядрами. На батареях смерть уложила всех людей и коней, русские канониры, изрубленные кирасирами, лежали у своих орудий, целые ряды пехоты полегли, как скошенные. Генералы, офицеры, солдаты молча бродят подавленные, изумленные...»

«Бозмолвные бивуаки», — пишет Сегюр, — «ни пения ни говора; даже вокруг императора не слышно обычной лести. Суровая тишина. Солдаты поражены количеством убитых и ничтожным количеством пленных, а ведь только ими определяется успех. Убитые говорят о храбрости противника, а не о победе над ним. Если он отошел в таком блестящем порядке, что значит для нас приобретение какого то поля битвы. Контуженный русский встает и идет к своим, и никто его не останавливает...»

«К ночи подсчитали пленных и трофеи и доложили Наполеону, что взято в плен 700 русских, в большинстве раненых, и 30 орудий. Наполеон не поверил, приказал пересчитать вновь, но это не помогло — из 120 тысяч русской армии в плен взято всего 700.»

За ночь, русская армия, устроив новые позиции, готовилась к бою на другой день. Разведка выяснила, что с наступлением полной темноты, французы покинули все занятые укрепления на Бородинском поле и отошли за Шевардино на 10-11 верст от нашей линии.

Но, перед рассветом, Кутузов приказал отходить к Москве. В своем рапорте Императору Александру I-му он доносил: — «... когда дело идет не о славе выигранных только баталий, но вся цель будучи устремлена на истребление французской армии, ночевая на месте сражения, я взял намерение отступить». Несомненно здесь сыграли так же большую роль наши потери, — убито и ранено было более сорока тысяч солдат и офицеров и 23 генерала. Хотя силы наши были почти одинаковы с франц. армией, но в новой битве мы могли себя обезкровить,

а готовых резервов не было. Наполеон же ожидал прибытия двух свежих дивизий, а в случае своего отступления, он мог подтянуть резервы из Смоленска и Орши.

Утром 27 августа, русская армия двинулась к Можайску. Противник мог только наблюдать за этим отходом, не делая никаких попыток к нападению. Наше прикрытие отошло в 10 часов утра, а в 12 Мюрат выступил вслед нашей армии. Авангард французов был очень поражен, что не нашел ни одной брошенной повозки, ни одного отсталого солдата. Мертвые были похоронены и свежие кресты указывали на места их упокоения. Десятки тысяч раненых были все вывезены. Французы прекрасно понимали, что так разбитая армия не отступает.

Бородинское сражение положило начало конца Наполеона, французская армия, наступая на Москву, шла к своей гибели.

В дальнейшем, после оставления Москвы, Кутузов совершает искусный фланговый марш и тем прикрывает армией базу своего снабжения — южную Россию. Далее, под Тарутиным разгромлен авангард Мюрата, под Мало-Ярославцем встречный бой с Наполеоном и его отступление на разоренную Смоленскую дорогу, а после победоносные бои под Вязьмой, Красным, Борисовым и Березиной и почти полное уничтожение армии Наполеона.

Из 600 тысяч, перешедших Неман, спаслось только 20 тысяч, взято в плен около 150 тысяч, остальные полегли на просторах России и захвачена почти вся артиллерия, около 900 орудий.

Союзники Наполеона австрийцы очень спешно ретировались во свояси, прусаки тоже, но корпус Иорка целиком перешел на нашу сторону.

Всего три месяца понадобилось Кутузову на уничтожение напавших на Россию разноплеменных полчищ Наполеона.

17 декабря 1812 года Кутузов доносил Императору Александру I-му:

«Пределы Российской империи очищены совершенно от неприятельских войск, исключая малых остатков корпуса Макдональда, бегущих за границу...»

В. Федюленко.

Император Александр Первый

СФИНКС, НЕРАЗГАДАННЫЙ ДО ГРОБА

Ныне, в годовщину «вечной памяти двенадцатого года», мысли мои обращаются к тому, кто возглавлял тогда Россию.

Во всей истории России нет монарха более загадочного, мнения о котором более противоречивы, чем Александр Павлович. Тема эта столь обширна, что далеко выходит за пределы журнальной статьи. Поэтому мы ограничим себя размышлениями лишь об его внешности и о том впечатлении, которое он производил на современников.

В моем собрании хранится известный портрет Александра Павловича, кисти Дау, писанный в 1825 году и почитавшийся одним из наиболее схожих. Александр Павлович изображен на портрете во весь рост, в темно-зеленом кавалергардском виц-мундире с серебряными эполетами, темно-зеленых панталонах и высоких ботфортах. Грудь государя украшена орденами, из которых выделяется собой, им самим созданный орденский знак, состоящий из Андреевской звезды, обвитой лентой английского ордена Подвязки и с привешенным снизу шведским орденом Меча *). В левой руке, Александр Павлович держит шляпу с бело-оранжево-черным султаном. Белые перчатки и шпага на бедре завершают его туалет. От всего облика государя веет изяществом и благородством, которые были так присущи ему.

А вот описание Александра Павловича, сделанное с натуры в день Тильзитского свидания, 13 июня 1807 года, знаменитым впоследствии партизаном Денисом Давыдовым: «Император Александр имел на себе преображенский мундир, на правом плече висел эксельбант, эполет же тогда не носили. Панталоны были белые лосиные, ботфорты короткие. Голова была покрыта пудрою. Шляпа была высокая; по краям ее выступал белый плюмаж, а черный султан веял на гребне ее. Перчатки были белые лосиные, шпага на бедре, шарф вокруг талии и Андреевская лента через плечо», и далее, «я не спускал глаз с государя, мне казалось, что он прикрывал искусственным спокойствием и даже иногда веселостью духа различные чувства, его обуревавшие и невольно обнаруживавшиеся в ангельском его взгляде и на высоком челе. И как могло быть иначе? Дело шло о свидании с великим полководцем, политиком, законодателем и завоевателем, состоявшимся в течении двух только лет войска всей Европы и уже два раза нашу армию и ныне стоявшим на рубеже России» — таков был

Александр Павлович на тридцатом году жизни.

Но вот еще описание Александра Павловича, на этот раз действующего в роли Царя Польского, также сделанное с натуры в день открытия сейма, Д. К. Тарасовым: «При вступлении императора в палату, водворилась благоговеющая тишина и особенное чувство умиления. Его Величество вступил на трон с, исключительно принадлежавшим ему, повелительным величием. Подле него, немного позади и вправо, поместился цесаревич Константин Павлович; на ступени трона с правой стороны сидел вице-король Заиончек (он без ног и не мог ходить — его носили); на нижней ступени трона, справа также императора, стоял с портфелем статс-секретарь граф Грабовский. Дипломатические чины и свита государя поместились позади трона».

«Император, стоящий на троне в полном своем величии, представлял собою существо, превышающее все земное. Окинув своим величественно-ангельским взором все собрание и стоящих на хорах дам, император довольно громким и твердым голосом и с особенным воодушевлением прочитал на французском языке довольно пространную речь, которую вслед за тем, на польском языке повторил статс-секретарь граф Грабовский. Тронная речь эта, как по содержанию своему, так и по образу произнесения императором, произвела в слушателях столь глубокое впечатление, что все сановники польские казались изумленными, а дамы почти все плакали.»

«Находясь около семи лет при дворе, я в первый раз удостоился видеть императора Александра в таком поражающем, неземном величии. В небесном взоре его изумительно выражались могущество, проницательность, кротость и благоволение» — таков был Александр Павлович в последний год своей жизни.

О том, что Александр Павлович был обаятелен, нам непрестанно твердят все его современники. «Он был красив и добр», пишет близко знавшая его графиня Головина, «его сердце всепрощение так же близко, как далека от него тирания; его нрав кроткий и обходительный, в его разговоре чувствуется мягкость и изящество, в его стиле много красноречия, а во всех прекрасных поступках замечается полная скромность».

Подобных сему, описаний существует несметное количество. Особенно много писали о

нем женщины — Александр Павлович был чрезвычайно обаятельным мужчиной. Сперанский называет его «un vrai charmeur» **). Некоторую роль тут конечно играет «культ Государя», который всегда создавался у нас вокруг особы монарха, но по отношению к Александру Павловичу это не была простая придворная лесть — в этих излияниях чрезвычайно много непосредственности и искренности. Так у нас не говорили ни об одном монархе.

Александр Павлович был обворожителен во все возрасты. Державная бабка его Екатерина души не чаяла во внуке и всегда описывала его в самых восторженных тонах. В пятнадцать лет он был красавец. «Высокий ростом, прекрасно сложенный, он отличался изяществом приемов и ловкостью движений, которая, однако, не вредила величию его осанки. Голубые глаза его светились умом; частые вспышки нежно стыдливого румянца оживляли мраморную белизну его нежного, женственного лица ***). Особенную прелесть придавала его лицу улыбка, имевшая в себе чарующую привлекательность» (Шильдер).

Во время своей коронации, 23-х летний Александр Павлович сиял всем блеском молодости и красоты. При выходе его из Успенского собора, среди зрителей раздались восклицания «Как он хорош, какой ангел!» «Не с самонадеянностью и гордым величием шел он, не страх внушали его взгляды, кроткие и приветливые, а безпредельную любовь, сочувствие и готовность к самопожертвованию. Платон с крестом в руках вел помазанника, разделяя с народом восторг и слезы умиления, он говорил, указывая на венценосца: «Посмотрите православные, каким Бог наградил нас царем — прекрасен и лицом и душою» (Шильдер).

Во время победоносного вступления в Париж, 19 марта 1814 года, 37-летний Александр Павлович точно так же поразил и восхитил своим видом парижан. Александр Павлович ехал на светло-сером коне, по прозванию Эклипс, вместе с королем прусским и князем Шварценбергом, представлявшим отсутствовавшего императора австрийского, сопровож-

даемый свитой в числе более тысячи генералов и офицеров различных наций. «Какими чувствами преисполнена была тогда душа Александра? Что думал государь, переживший тяжелое испытание Аустерлица, блеск Тильзитского свидания и пожар Москвы? Он с полным смирением готовился отплатить за испытанное зло неслыханным в истории великодушием. Среди Парижа явился победитель, не искавший другого торжества, как только участия побежденных. Народ толпился на улицах и даже кровли домов покрыты были любопытными зрителями. Женщины в окнах и с балконов махали белыми платками. Ласково отвечая на приветствия населения, государь говорил: «Я не являюсь врагом, я приношу вам мир» (Шильдер).

Будучи, в течение всей своей жизни, центром всеобщего внимания, Александр Павлович привык «играть роль», но из всего вышесказанного следует, что играл он превосходно. Он мог предстать в непомерном величии Самодержца Всероссийского, но он мог также подойти к людям просто и тепло. Александр Павлович отлично знал то потрясающее впечатление, которое вид его производил на людей и он умел использовать это качество. Он обладал чрезвычайным тактом и всегда знал, что следует делать и говорить в данный момент. Он был природным дипломатом — величайший русский дипломат и один из величайших дипломатов всех времен.

Е. Молло

Примечания.

*) Александр Павлович был кавалером весьма многих российских и иностранных орденов и иных знаков отличия — из них он обычно носил весьма немногие; кроме описанного выше оденского знака, он обычно носил в колодке: Военный орден св. великомученика и победоносца Георгия 4-й ст.; серебряную медаль 1812 года на Андреевской ленте; австрийский орден Марии-Терезии; прусский Железный Крест; прусскую медаль 1813-1814 гг.

**) По неудачному переводу на русский язык Шильдера — «суций обольститель».

***) Александр Павлович походил на мать, тогда как Константин Павлович — на отца.

Помещенный в настоящем номере портрет Императора Александра I кисти Г. Дау, некогда, принадлежал Великому Князю Павлу

Александровичу, а до него Его Царственному Отцу Императору Александру II. Ныне находится в собрании Молло в Лондоне.

Кавалергарды в 1812 году

Уже с 1811 г. началась подготовка предстоявшей кампании против Наполеона. В связи с этим, 1 марта 1812 г., у нас в полку, было приказано бросить жребий между тремя средними эскадронами, кому из них оставаться запасным. Жребий пал на № 2-ой эскадрона Ершова.

Еще в декабре 1810 г., генерал Депрерадович был назначен начальником 1-й Кирасирской дивизии с оставлением командиром полка. В январе 1812 г. он был назначен начальником всей гвардейской конницы, с сохранением обоих предыдущих должностей, поэтому, когда 17 марта полк выступил в поход на Вильну, в составе 1-го Шефского, №3, №4 и №5 генеральского эскадронов, то шел он под временным командованием старшего полковника С. Н. Ушакова. №2-й эскадрон, в составе Сводно-Кирасирского полка, выступил в тот-же день на г. Остров. Этим полком командовал полковник Конной Гвардии Протасов.

Весь поход проходил в очень тяжелых условиях. Сильно ощущались резкие переходы от оттепели к морозам и еще сильнее отчаянное состояние продовольствия полка. 1811 г., в Северо-Западном Крае, был неурожайным, голодным годом а интендантство, по прежнему, ничего не заготовило и все местные склады и магазины были пусты. Прошло ровно пять недель с момента выхода из С. Петербурга, а Депрерадович уже был принужден принять крайние меры — реквизицию. В приказе от 24 апреля было отдано: «так как полк имеет большой недостаток в фураже и затруднение в заготовке оного, то предписываю для отыскания фуража, посылать всех г.г. обер-офицеров, кроме командующих эскадронами».

Это хаотичное состояние интенданства имело неизбежными последствиями самоуправство частей, жалобы, бесконечные приказы, предписания и указания штабов и рапорты, отписки и доклады полков.

Если крестьянское население действительно бедствовало, то помещики имели всего вдвое. Но, состоя в подавляющем числе из польской шляхты, с нетерпением ожидавшей прихода Наполеона и обещанного восстановления Польского государства, они всячески задерживали и затрудняли сдачу продуктов, имея в самой Главной Квартире Государя таких всемогущих ходатаев, как князь Чарторийский и Огинский. Наконец, уже перед самым переходом неприятелем государственной границы, Штаб Армии приказал полкам собрать сведения о количестве продовольствия у помещиков и если продукты и фураж, согласно разверстке, ими не сданы, то произвести, так называ-

емую, экзекуцию, то-есть отобрание всего, что подлежало сдаче.

Кавалергарды стояли в местечке Опса и в соседних деревушках, в которых они снова счутились 103 года спустя. На их долю выпало применение такой экзекуции к владельцу м. Опса и Бельмонта, уездному предводителю дворянства графу Станиславу Мануцию, за которым числилась недоимка на сумму 10 тысяч рублей. На это граф Мануций подал прошение Депрерадовичу и в Брацлавский нижний земский суд, протестуя против экзекуции. Суд переслал прошение графа Мануция в полк, предлагая руководствоваться при экзекуциях не одними только русскими законами но и Литовским Статутом, о котором в полку навряд-ли кто имел малейшее понятие. 12 июня вся эта волокита была разрешена Наполеоном — Великая Армия перешла Неман.

Во время марш-маневра 1-й армии на соединение с армией князя Багратиона, Кавалергардский полк состоял, в составе Кирасирской дивизии, в Отряде генерала Дохтурова. 16 июля, из Лезны, Дохтуров отправил вперед генерала Депрерадовича с Кавалергардами, Конной Гвардией, Финляндцами, Лейб-Егерями, сводным Гренадерским батальоном и с 1-й пехотой и 1-й конной гвардейскими батареями. Несмотря на страшную палящую жару, на тяжелые песочные дороги, Депрерадович блестяще выполнил полученное задание, пройдя 75 верст в 38 часов, он 18 июля был в Смоленске. Своей выносливостью, отряд Депрерадовича, в особенности его пехота, не только сравнялся с Суворовскими Чудо-Богатырями, но их превзошел. Это занятие Смоленска Депрерадовичем а затем, подоспевшим Дохтуровым, обеспечило соединение наших армий, которое состоялось 22 июля. В последующих боях у Смоленска полк не принимал непосредственного участия.

22 августа наша армия стала на позиции у Бородина. 26 — в 4 часа утра, в темноте, одетая в полную парадную форму, Великая Армия Наполеона выстраивалась для предстоящего боя. Взошедшее солнце разогнало туман и осветило русские позиции, где, сплошной стеной, держа ружья у ног, стояли, также в парадной форме, Русские полки. Ровно в 6 часов утра, с французской батареи Сорбье грянул первый выстрел. Русские батареи ответили и скоро все слилось в один общий гул. Так началось Бородино. Тот бой в котором наш полк вторично пожертвовал собой для спасения своей пехоты и артиллерии.

В этом бою, Кавалергарды вместе с Конно-

гвардейцами, составляли Гвардейскую бригаду 1-й Кирасирской дивизии. За болезнью Депрерадовича, дивизией командовал также кавалергард генерал Н. М. Бороздин, бригадир — генерал Шевич, полком — полковник барон Левенвольде. Обе кирасирские дивизии и Бороздина и Дуки входили в общий резерв армии.

По ходу боя, общий резерв, постепенно, втягивался в бой и когда, незадолго до падения батареи Раевского, Барклай послал своего адъютанта за резервом, то единственным кавалерийским резервом всей армии осталась одна бригада Шевича. В ответ на переданное приказание Барклая «идти вперед рысью», раздалось оглушительное Ура...

Дойдя до перекрестка дорог, почти у самой батареи Раевского, бригада была остановлена и построена «ан-эшикие» за небольшой складкой местности (Развернутыми эскадронами, в шахматном порядке). К моменту подхода бригады, батарея Раевского уже была взята французами. Конница Латур-Мобура, отбитая огнем пехоты, отхлынула назад, тогда как полки конного корпуса Груши, поддержанные своей пехотой, опрокинули несколько каре 7-й пехотной дивизии и врубился в батарею Костенецкого.

Увидя отход нашей пехоты, подпоручик 2-й Гвардейской конной батареи барон Корф, по собственному почину, вынесся с двумя взводами на гребень и открыл огонь по неприятельской пехоте, которая была частью уничтожена, частью отхлынула назад. Но, конница Груши, несмотря на огонь орудий Корфа, продолжала преследование 7-й дивизии а один, ближайший к орудиям, эскадрон пошел на них в атаку. Когда неприятель был уже у самых пушек, барон Корф выскочил на гребень, за которым стояли Кавалергарды и крикнул командиру головного взвода Шефского эскадрона: «Башмаков! Выручай орудия!» Не ожидая приказаний, Башмаков выскочил со своим взводом вперед «и в одно мгновение передовые французские всадники были уничтожены». Орудия были спасены.

В это время, к бригаде подъехал Барклай и приказал Левенвольде атаковать. С громким ура, полк тронулся вперед. Головные два эскадрона — Шефский на гнедых конях и № 4-й на вороных шли под командой полковника барона Левенвольде. За ними, во второй линии, «ан эшикие», под командой полковника В. В. Левашева, шли №3-й эскадрон на серых конях и №5-й на гнедых.

В небольшой пологой ложбине, прямо против атакующего полка, строились в эскадронные колонны, только что отбитые полки корпуса Латур-Мобура. Впереди Саксонские Гард дю Кор, за ними Саксонские кирасиры Цастрова,

а еще подальше несколько полков Польских улан. Не заметив во-время подхода Кавалергардов, неприятельская конница стала разворачиваться слишком поздно.

«Галопом! Марш!» скомандовал Левенвольде и только успел крикнуть командиру № 4-го эскадрона Давыдову: «Евдоким Васильевич! Командуйте левое плечо вперед!» как упал за смертью, вместе с конем, оба пораженные картечью. Первая линия, потеряв своего командира, слегка замялась но, поддержанная второй, все эскадроны одновременно, врубались в колонну неприятельской конницы и смяли в общую кучу Саксонские полки. Польские уланы, стоявшие поодаль, успели развернуться и, в свою очередь, атаковали фланг и тыл Кавалергардов. Последние были выручены Конной Гвардией, атаковавшей Польские полки. Началась общая конная схватка, в которой приняли участие и полки корпуса Груши и подошедшие части наших II и III кавалерийских корпусов: Изюмские гусары, Псковские драгуны и Польский уланский полк.

«Рукопашный бой между массами смешавшихся наших и французских латников представлял собою зрелище, в своем роде, великолепное и напоминающее битвы древних рыцарей или римлян, как мы привыкли их себе воображать. Всадники поражали друг друга холодным оружием, среди груды убитых и раненых...»

Неприятельская конница была разбита и опрокинута. Барклай приказал трубить «Аппель», но за грохотом выстрелов и в пылу боя, многие Кавалергарды не слышали сигнала и, упоенные победой, на плечах бегущего врага, доскакали до Семеновского ручья, где собрались и вновь выстраивались французские кавалеристы. Более сотни Кавалергардов разных эскадронов стали собираться к своим офицерам и также выстраивать Фронт. Старшим из них оказался поручик Шкурин. Оба фронта, в нерешимости, неподвижно стояли друг против друга. В таком положении, застал Кавалергардов адъютант дивизии М. П. Бутурлин. «Что мне делать?», спросил его Шкурин, если поверну налево кругом — они сядут мне на плечи. С другой стороны, полковые трубачи подают «Аппель». Бутурлин ответил что, по его мнению, единственный выход это атака. Шкурин согласился и просил Бутурлина передать ему приказание атаковать. «С места, марш-марш!» скомандовал Шкурин. Кавалергарды рванулись вперед, снова врубались в неприятеля и опрокинули его за Семеновский ручей. Таков был кирасирский подвиг полка Кавалергардского 26 августа под Бородиным.

По приказанию Барклая, вступивший в командование полком, Левашев отвел полк в резерв к селу Михайловскому. Полк потерял уби-

тым командующего полком барона К. К. Левенвольда. По характеристике М. П. Бутурлина, он был высокий стройный красавец, очень спокойный. Был любим и уважаем всем полком и исключительной храбрости.

Штабс-ротмистр Римский-Корсаков, окруженный неприятелем, на все предложения сдаться отвечал ударами палаша, пока не был убит выстрелом из карабина. Убит, также, поручик П. П. Валуев, адъютант графа Остермана. Ранеными полк потерял 10 офицеров: полк. П. И. Каблукова, ротм. барона Е. В. Давыдова, шт. ротм. В. М. Бороздина, шт. ротм. Уварова, пор. барона Е. К. Арнсгофена, корн. Г. В. Шереметова, корн. Г. Г. фон-Смиттен, корн. А. И. Пашкова, корн. Г. Ф. Орлова, адъютанта 1-й Кирасирской дивизии М. П. Бутурлина. Кавалергардов убито и без вести пропало — 22, ранено — 71. Лошадей убито 87, ранено — 48.

Командующий полком полк. Левашев награжден Орденом Святого Георгия 4-й ст., шт. ротм. М. С. Лунин, С. П. Ланской и корн. К. В. Левашев — золотым оружием. 63 кавалергар-

да награждены Георгиевскими крестами, из них 18 вахмистров и унтер-офицеров, из которых один за взятие в плен французского офицера, 39 рядовых, из которых шесть за спасение своих офицеров, под которыми были убиты лошади, три за взятия в плен французских офицеров, пять за то что вынесли тело убитого командира полка, два эскадрон-юнкера, три юнкера и один трубач, состоявший при ген. Шевиче. Всем нижним чинам было выдано по пять рублей. 7 эскадрон-юнкеров и юнкеров были произведены в корнеты полка.

Бородинский бой был последним сражением, в котором, в течении 1812 года, полк принял целиком непосредственное и деятельное участие. Только его 2-й эскадрон, в отряде графа Витгенштейна, в боях под Полоцком 6 августа и 6 октября и в сражениях под Чашниками и у Студянки на Березине вписал новые лавры в зарождавшуюся боевую летопись полка.

По первоначальному плану, № 2-й эскадрон, в составе всех запасных частей, предназ-

Командир Кавалергардского полка Свиты
Его Величества генерал-майор граф
Менгден у Бригадного памятника,
на Бородинском поле.

начался для формирования пополнений для своего полка но, по приходе в г. Остров, выяснилось что численность Русской Армии совершенно недостаточна, чтобы противостоять Великой Армии Наполеона. Поневоле, пришлось отказаться от организации и перейти к импровизации. Все запасные батальоны и эскадроны были соединены в действующие сводные полки. № 2-й эскадрон, вместе с эскадронами лейб-гвардии Конного полка, двумя лейб-кирасирскими и Астраханскими эскадронами, вошел в состав Сводно-Кирасирского полка, командиром которого был назначен Конногвардеец полк. Протасов. Сводный полк вошел в 9-ую кавалерийскую дивизию Кавалергарда князя Н. Г. Репнина и с нею в Отряд ген. от кав. графа Витгенштейна.

При отходе 1-й армии из Дрисского лагеря, в его районе, был оставлен 25-тысячный отряд гр. Витгенштейна для прикрытия Петербургского направления. Вместе с тем, на него возлагалась оборона Риги от стоявших на Двине корпусов Макдональда и Удино, а затем и от подошедшего корпуса Сен-Сира.

3 августа князь Репнин с отрядом в составе Сводно-Кирасирского полка, двух батальонов пехоты и двух орудий, был послан к г. Дисна для уничтожения моста. Отбросив неприятеля за Двину, Репнин переправил вплавь Сводно-Кирасирский полк, который и занял город, уничтожив мост и имевшиеся там склады оружия.

Сен-Сир, сменивший раненого в предыдущих боях Удино, решил атаковать Витгенштейна на следующий день. В виду сильного утомления своих войск, атаку он назначил на 5 часов вечера и ровно в назначенное время раздался одиночный выстрел, а за ним залп из 60-пушечной батареи. Подготовка и само выполнение операции были, для войск гр. Витгенштейна, до того неожиданны что сам начальник отряда едва успел вскочить на лошадь, когда французская пехота ворвалась в помещение штаба. Центр нашего расположения был прорван. Застигнутая на биваках, наша пехота сбилась в отдельные кучки и, отбиваясь на все стороны, медленно отступала.

«Такая неожиданная атака не внесла никакого беспорядка в русские ряды. Они схватились за оружие и сражались доблестно», так пишет в своих воспоминаниях участник боя французский генерал барон Марбо. «Но на войне, продолжает он, неожиданное событие, зачастую меняет всю обстановку и положение вещей» И таким неожиданным случаем 6 августа, под Полоцком, явилась атака Кавалергардского и Конногвардейского эскадронов, под командованием полковника Протасова.

Отступающая русская пехота наткнулась в тылу нашего лагеря на эскадрон № 2-й Кавалергардов,

бывший в тот день под командой штабс-ротмистра Авдулина, заменявшего в этот день командира эскадрона полковника Ершова. Построив 120 кавалергардов эскадрона, Авдулин атаковал в конном строю 26 Линейный полк французской пехоты но атака была отбита, после ожесточенной схватки. Тогда, повернув эскадрон, он бросился прямо через лагерь, полный пехотных солдат португальцев, баварцев и швейцарцев, занятых грабежом оставленного русскими имущества. Не выдержав атаки, вся эта масса ринулась в бегство. Кавалергарды, рассеянные на огромном пространстве лагеря, рубили их на ходу, таким образом эскадрон дошел до швейцарского пехотного полка, в центре каре которого находился Сен-Сир.

Чтобы остановить панику, охватившую его пехоту, Сен-Сир направил всю свою конницу в атаку. В голове шла бригада Кастекса, за нею бригада Корбино, имея в резерве, в третьей линии, всю дивизию Думерка. Атака конницы была поддержана огнем сорока-орудийной батареи. Навстречу французской кавалерии пошли в атаку Гродненские гусары и Рижские драгуны. Увидя подход неприятельской конницы, командующий Кавалергардским эскадром Авдулин быстро собрал свой эскадрон и атаковал фланг головного полка бригады Корбино. Атака была настолько неожиданна и стремительна что французы дрогнули и дали тыл. Подоспевший эскадрон Конной Гвардии, с таким же успехом, атаковал следующий полк Корбино. Поражение всей неприятельской конницы было довершено полковником Ершовым, который с лейб-Кирасирским и Астраханским эскадронами врубился в неприятеля. Обе французские бригады, в своем бегстве, смяли дивизию Думерка и увлекли ее за собою. Сводно-Кирасирский полк, на плечах французов, ворвался на, прикрывавшую атаку конницы батарею и захватил 15 орудий. Но, за недостатком упряжек, орудийная прислуга усакала на уносах, удалось вывезти только два орудия, остальные были заклепаны и лафеты у них поломаны.

Марбо пишет дальше: «панический страх охватил три наших полка, которые скакали полным карьером к Полоцку. Сен-Сир приказал командиру батареи открыть огонь по беглецам, чтобы заставить их атаковать русскую Гвардию но командир батареи, желая спасти жизнь всадников Корбино, не торопился исполнить приказа и открыл огонь только тогда когда они скрылись из виду». Сам Сен-Сир едва не попал в плен, выброшенный из экипажа подхвачившими лошадьми (вследствии раны, он не мог ездить верхом).

Снова, обратимся к Марбо: «поднявшись с земли, Сен-Сир оказался посреди неприятель-

ского эскадрона и поспешл спрятать свои орден за отвороты сюртука. Русские проскакали мимо него, не обратив внимания, занятые захватом наших пушек, которые наши артиллеристы старались увезти в разные стороны».

В пылу боя, эскадрон Конной Гвардии заскакал под самые стены Полоцка и рисковал быть отрезанным от своих. Адьютант Сводного Кирасирского полка Кавалергард корнет Г. А. Окунев, одним из первых вскочивших на батарею, под картечными выстрелами на мосту, трубил Аппель для сбора оного.

Несмотря на неоднократные атаки, Кавалергарды понесли сравнительно малые потери. Убиты корнет С. П. Воейков и 13 Кавалергардов. Только тела восьми из них удалось вынести с поля битвы. Ранено 19 Кавалергардов и убито 20 лошадей. Полк. Ершов и шт. ротм. Авдулин награждены Георгиевским Крестом 4-й ст. Корнет Окунев — золотой шпагой «За храбрость».

Вечером граф Витгенштейн отступил от города и ушел на 50 верст к северу от Полоцка. Трудно назвать бой 6 августа победой Витгенштейна. Он не только не сохранил за собой поле боя но очистил всю, захваченную до того, местность. Его отряд был спасен от полного поражения исключительно личной инициативой Протасова, Ершова и Авдулина и стремительным всеокрушающим порывом всех эскадронов Сводно-Кирасирского полка, перешедшим, по выражению первого историка Кавалергардов Висковатова, «за предел обыкновенной отваги».

Далее, во втором бою под Полоцком 6 октября взвод Кавалергардов с ротмистром Белкиным был послан из резерва «для спасения подбитой нашей пушки, что исполнил под сильными выстрелами и не допустил неприятельских стрелков овладеть оною и вывез с места сражения...»

Поздно вечером 7-го, когда французы окончательно очистили город, Полоцк был занят нашими войсками.

В реляции, поданной графом Витгенштейном Императору Александру, довольно глухо говорится о всех подробностях взятия Полоцка. Совершенно умалчивается о временном пленении Витгенштейна, о его освобождении Альбрехтом и ничего не говорится о действиях Сводно-Кирасирского полка, кроме спасения Белкиным подбитой нашей пушки. Зато, роль, которая выпала на полк в этом бою, очень подробно описана в рапорте начальника 9-й кавалерийской дивизии князя Репнина, поданном Цесаревичу Константину.

«Господин корпусный командир (граф Витгенштейн) увидя что неприятель обратил все свое внимание на левый фланг, приказать изволил Сводно-Кирасирскому полку примкнуть из резерва к Рижскому драгунскому полку.

Храбрый сей полк и в сии дни поддержал ту славу, которую приобрел он в сражении 6 августа. По прибытии на место сражения, оный был поставлен на линию с пехотой и связал через сие левый наш фланг с центром. Полковник Протасов с тремя эскадронами: Кавалергардским, Конногвардейским и Кирасирским Его Величества, стоял под жестоким огнем с неприятельских батарей. Потом, увидя что колона Конно-Егерей покушалась ударить на наших стрелков, атаковал оную и прогнал до самых укреплений, после чего опять стал на прежнее место и тем удержал французскую кавалерию, которая неоднократно высылала свои эскадроны, но видя оный полк, не осмеливалась сделать в сем пункте второй атаки.

Неприятель, видя, что несмотря на все его усилия, не может иметь успеха на левом фланге, выслал колонну латников против центра нашей линии. Почему и приказано было Сводному Кирасирскому полку атаковать оных, что храбрый сей полк успешно исполнил, ударив стремительно в правый их фланг под картечными их выстрелами и, опрокинув их, преследовал до самых укреплений, поражая безпрестанно остатки бегущих. Потом, собравшись, опять ударил на показавшуюся другую колонну кавалерии и обратил ее в бегство и преследовал даже за городские укрепления. Полковой командир и все штаб и обер-офицеры оказали чудеса храбрости и покрыли себя новой славой.

При сем случае не могу умолчать об отличном подвиге эскадрона Кавалергардского унтер-офицера Петренко, который во время второй атаки, увидя что под полковником Ершовым убита лошадь, под жестоким огнем добровольно отдал ему свою и, видя, что двое латников напали на него в то время, когда он садился, с отчаянным мужеством бросился на них, сбил одного с лошади, другого обратил в бегство и поспешил догнать своего полковника на французской лошади. Поставляя деяние сие в виду Вашего Императорского Высочества, осмеливаюсь просить об исходатайствовании храброму сему воину примерного награждения производством его в офицеры в армейский полк...»

Все сказанное князем Репниным относительно действий полка полностью подтверждено наградными листами.

23 октября полковник Протасов со Сводным Кирасирским полком и двумя эскадронами Митавских драгун выбил кавалерийскую бригаду Кастекса из м. Лукомль но затем был выбит подошедшей пехотой. Бригада Кастекса переправилась через р. Лукомля и вышла во фланг отряда Протасова. Полковник Ершов с двумя гвардейскими эскадронами Кавалергардским и Конно-Гвардейским полковника барона Кнор-

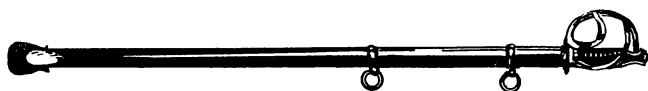
ринга, немедленно атаковал конницу Кастекса, отрезал ее от брода и опрокинул в реку, «так что она не попала к броду, в замешательстве бросилась в реку, причем немало из нее перетонуло...» Полковник Протасов был произведен в генералы и получил иное назначение. В командование Сводно - Кирасирским полком вступил полковник Ершов.

Последнее участие № 2-го эскадрона в боевых действиях 1812 года была его совместная

с Конногвардейским эскадроном атака под Студянкой, на Березине 16 ноября. В этой атаке был ранен командир эскадрона ротмистр Белкин.

Кавалергарды, дойдя до Вильны, простояли в ее окрестностях до конца года. 1 января 1813 г. полк перешел по льду через Неман и вступил в пределы Пруссии.

В. Н. ЗВЕГИНЦОВ

Литовцы под Бородиным

Полки Л.-гв. Литовский и Измайловский с непоколебимой храбростью и не взирая на понесенную потерю, пребывали в наилучшем устройстве. В сем сражении покрыли себя славой в виду всей армии. (Слова Светлейшего Князя Кутузова Смоленского из его донесения на Высочайшее Имя о Бородинской битве).

В бою под Бородиным в 6 часов утра 26 августа началась атака «Багратионовых флешей». 6 раз флешей переходили из рук в руки. Атаки чередовались контр-атаками. В 6-й раз князь Багратон стал организовывать контр-атаку, но был смертельно ранен. Потеря любимого вождя вызвала расстройство и растерянность в рядах защитников флешей. Командование принял ген. Коновницын. Ввиду серьезности положения, Кутузов высылает из резерва Л.-гв. Измайловский, Литовский и Финляндский полки, которые в 11 часов занимают южнее деревни Семеновское, восточный берег ручья-оврага против Багратионовых флешей. Измайловцы и Литовцы налево, по батальонно шахматном порядке. Между Л.-гв. Литовским полком и деревней Утица, занятой III корпусом Тучкова I, рассыпана по лесу и кустарникам цепь стрелков Шаховского. Л.-гв. Финляндский полк расположен 3-4 версты уступом за Литовцами.

В 11 1/2 часов генерал Коновницын, под

прикрытием гвардии, стал отводить свои измученные пятичасовым боем и перемешанные полки. Мимо Литовцев проходили расстроенными кучками и в одиночном порядке защитники флешей, многие из них пристраивались к полку.

Однако, взятие флешей не дало французам прорыва — образовалась новая линия фронта, не из линии укреплений, а из батальонов Л.-гв. Литовского и Измайловского полков.

Ней и Мюрат (Даву был сильно контужен и выбыл из строя) решили расчистить дорогу массовой кавалерийской атакой, предварительно подготовив ее артиллерийским огнем. Поставили батареи на западный господствующий берег оврага в 500-600 шагах от линии Литовцев и Измайловцев и открыли огонь. Этот убийственный огонь заставил полки гвардии отойти на 50-100 шагов, где действие огня было слабее. Нужно помнить, что в то время действительная дальность ружья была 300-350 шагов, скорострельность теоретически 2 выстрела в минуту, а дальность артиллерии ядром 900-1500 шагов.

Земля дрогнула, загудела от топота многих тысяч коней кавалерии. Мюрата. Кавалерийские дивизии St. Germain и Valence, корпуса Нансути, атаковали Литовцев с фронта, а прорвавшийся кавалерийский корпус Латур-Мобура, 2 дивизии и 2 отдельных бригады, прорвался севернее деревни Семеновское; часть пошла на север, а другая — на юг и атаковала Измайловцев и Литовцев с тыла.

Появление неприятельской кавалерии по-

будило Литовцев выдвинуть колонны в одну линию, и, по приказанию генерала Коновницына, построиться в три карэ, в одном из которых находился сам временно командующий армией.

«Окруженные многочисленным неприятелем Литовцы приняли оного храбро и мужественно». Подпустив на близкую дистанцию, выстрелив прежде батальным огнем, Литовцы, закричав «ура», пошли на штыки, расстроили и прогнали неприятеля до самой высоты, с большим для него уроном. А в плен, по ожесточению наших солдат, никого не взято; с нашей же стороны никого от кавалерии тогда ранено не было». (Рапорт полковника Удому генералу Коновницыну от 31 августа 1812 г.).

Батальон подполковника Тимофеева встретил кавалерию без стрельбы, взяв ружья «на руку». Лошади не пошли на сверкающие штыки, что вызвало замешательство в следующих рядах противника. Воспользовавшись этим, батальон бросился в штыки. Передние ряды кирасир, поражаемые штыками, но удерживаемые задними рядами, понесли большие потери и только после отчаянного их крика вся кавалерийская колонна обратилась в бегство, понеся большие потери. Когда кавалерия очистила поле, батареи противника снова открыли губительный огонь, в то же время, по ту сторону Семеновского ручья показалась французская пехота с артиллерией, явно намереваясь захватить высоту, находящуюся за левым флангом нашей позиции и никем еще не занятую.

Положение Литовцев становилось критическим; заняв высоту, французы могли бы фланговым огнем поражать всю нашу линию и получали возможность широкого охвата нашего левого фланга. У генерала Коновницына, подъехавшего в это время к полку, невольно вырвалось восклицание: «Боже мой, что делать?...» Решено было послать батальон литовцев чтобы захватить высоту раньше подхода французов.

Доблестный подполковник Тимофеев вызвался исполнить это трудное поручение и быстрым маршем занял высоту. Расположив по гребню холма шесть своих взводов, остальные два, под командой капитана Арцыбашева, поставил за холмом в резерв.

Подошедшие части противника, перестроившись в три линии, повели наступление. Его силы были в шесть раз многочисленнее наших, но продвигались они нерешительно, часто останавливаясь и открывая огонь. Одной из пуль был ранен в ногу с раздроблением кости, подполковник Тимофеев: он долго не уходил, перевязав крепко рану платком, но в конце концов вынужден был передать батальон капитану Арцыбашеву. Противник, обнаружив что

высота защищается лишь небольшой горстью русских, окружил ее и повел яростные атаки. Удерживать дальше высоту не было никакой возможности и защитники, отступив, прибыли к полку.

В это время 1-ый и 3-ий батальоны подверглись два раза ураганному обстрелу артиллерией, за которым следовали бешенные атаки французских кирасир, обе отбитые с огромными для них потерями.

К 2-м часам дня прибыл генерал Дохтуров, назначенный командовать 2-й армией. Находясь в центре одного карэ, он был свидетелем отражения последних кавалерийских атак и его сердечное «спасибо» раздавалось не раз перед фронтом.

Между тем, после оставления нами высоты, положение сильно ухудшилось: французы стали поражать продольным огнем всю нашу линию, а собравшаяся за холмом колонна нависла над нашим левым флангом, угрожая обходом. Чтобы спасти положение, не оставалось ничего другого, как вновь овладеть высотой. Но для этого Литовцам пришлось еще раз выдерживать и отбить кавалерийскую атаку, вслед за чем полк двинулся на штурм высоты. Противник защищался отчаянно; гребень холма переходил из рук в руки. Командир полка полковник Удом был ранен и передал командование командиру 3-го батальона подполковнику Шварцу, единственному офицеру, оставшемуся в строю. Подполковник Шварц лично повел полк в штыки, выбил противника с высоты и принудил его к отступлению. Таким образом, честь взятия и удержания этого, чрезвычайно важного стратегического пункта, принадлежит Л.-гв. Литовскому полку. При взятии высоты был смертельно ранен доблестный подполковник Шварц.

На этом холме, остатки Литовцев продержались до конца сражения; они представляли собой небольшую группу людей, измученных ожесточенным и непрерывным боем.

Вечером, к высоте подошли Л.-гв. Измайловский и Финляндский полки, а, когда совсем стемнело, пришел приказ оставить позицию и присоединиться к прочим гвардейским полкам. Ночью, Главнокомандующий князь Кутузов прислал к Литовцам своего адъютанта благодарить полк за доблесть, проявленную в сражении.

Велики были потери Л.-гв. Литовского полка в Бородинской битве: из сорока шести штаб и обер офицеров в строю осталось только девять; из 1739 нижних чинов было убитыми и ранеными 1040 человек, то есть 60 процентов. Полк был переформирован в два батальона, причем роты 2-го батальона были распределены между 1-м и 3-м батальонами. В командование полком вступил, старший из остав-

шихся в строю офицеров, капитан Николаев

Подвиги полка не остались без награды. Все три батальона получили Георгиевские Знамена. Командир полка полковник Удом и подполковники Угрюмов и Тимофеев повышены в чинах. Два последних штаб-офицера награждены кроме того орденом Св. Великомученика и Победоносца Георгия 4-го класса. Представляя их, князь Кутузов лично приписал: «К сему еще более побуждает меня подвиг сих отличных штаб-офицеров; известно какие усилия неприятеля были на полк сей». Прочие офицеры награждены чинами, орденами или золотым оружием. На каждую роту выдано по 12-ти знаком отличия Военного ордена для награждения наиболее достойных нижних чинов.

Впоследствии Император Николай Павлович поручил известному живописцу Рессе написать картину Бородинского сражения. На ней представлены Л.-гв. Литовский и Измайловский полки при отражении ими атаки французской конницы. Картина украшает собой одну из зал Зимнего Дворца.

В заключение, следует привести те отзывы высших начальствующих лиц, которые в своих реляциях свидетельствуют о доблести полка в Бородинском бою.

Генерал Коновницын доносит Главнокомандующему князю Кутузову: «Я не могу с довольной похвалой отозваться о примерной неустрашимости, оказанной в сей день полками Л.-гв. Литовским и Измайловским. Непоколебимо выдерживали они наисильнейший огонь неприятельской артиллерии, осыпавшей картечью ряды их. Несмотря на потери, пребывали они в наилучшем устройстве и все чины являли рвение свое умереть прежде, чем уступить неприятелю. Три больших атаки неприятельских кирасир и конных гренадер на оба

полка были ими отражены с невероятным успехом, ибо, несмотря, что кареи, устроенные оными полками, были совсем окружены, неприятель с крайним уроном был прогнан огнем и штыками. Одним словом, полки Измайловский и Литовский, в достопамятном сражении 22 августа, покрыли себя, в виду всей армии, неувядаемою славой».

Генерал Дохтуров в своем рапорте князю Кутузову говорит:

«Полки Л.-гв. Литовский, Измайловский и Финляндский во все время сражения оказали достойную русских храбрость и были первыми, которые необыкновенным своим мужеством удерживая стремление неприятеля, поражали оного повсюду штыками».

Главнокомандующий князь Кутузов в своем донесении на Высочайшее Имя пишет:

«Полки Л.-гв. Литовский и Измайловский, с непоколебимою храбростью, выдерживали наисильнейший огонь неприятельских орудий, и, не взирая на понесенные потери, пребывали в наилучшем устройстве. Быв атакованы три раза неприятельскими кирасирами и конными гренадерами, стояли твердо и, страдив их стремление, множество из них истребили. Полки Л.-гв. Литовский и Измайловский в сем сражении, покрыли себя славой в виду всей Армии».

Все полки армии одинаково в высшей степени мужественно и доблестно сражались. Но полки Л.-гв. Литовский и Измайловский, в критический момент боя, послужили основанием 3-й позиции левого фланга армии, состоявшей не из укрепленных пунктов, а из линии батальонов, Л.-гв. Литовского и Измайловского полков, на которой отбили все атаки кавалерии и тем самым содействовали устранению угрозы разгрома 2-й армии генерала Багратиона.

Полковник Акимов

**Полковой знак лейб-гвардии
Литовского полка.**

Знамена Великой Армии отбитые в 1812 году

К 150-летию юбилею Отечественной Войны.

В 1909 г. вышел труд ген. Геккеля «Трофеи войн 1812-13-14 гг.». Это список трофеев сохранившихся в Казанском Соборе, из числа тех, которые были регулярно сданы частями во время кампании. В нем не мало погрешностей, ошибок и пробелов, но он является единственным описанием того, что сохранилось в соборе, из которого многое было выкрадено «посетителями». Отметим, что мы совсем не уверены, что все трофеи 1812 г. были сданы в Казанский Собор.

В 1913 г. полк. Чуйкевич, в своей работе посвященной кампании 1812 г. сделал попытку подвести итоги трофеям Русской Армии. В ней также не мало ошибок и пробелов. Эти два издания являются единственными известными нам попытками выявить трофеи 1812 г. Другие отрывочные и часто противоречивые данные разбросаны в многочисленных трудах, как русских так и иностранных. Поскольку можно судить, богатейшие русские архивы разработаны в этом направлении не были. Когда французский художник Эдуард Детайль, в конце прошлого столетия, запросил Русский Генеральный Штаб о французских знаменах, хранившихся в России, ему прислали список того, что находилось в Казанском Соборе, но сообщили, что в русских архивах нет указаний о том при каких обстоятельствах знамена эти попали в русские руки. Что касается архивов французских, то они, в порядке политической чистки после падения Империи, не мало пострадали. Сведения которые они дают весьма отрывочны. По сей день, в военной исторической литературе вопрос о трофеях 1812 г. полностью разработан не был. Приводя здесь все, что нам удалось собрать, после долгих и кропотливых розысков, нам остается выразить сожаление, что и в нашей работе есть еще много пробелов и вероятно не мало ошибок.

Прежде всего следует отметить, что при наличии почти полного уничтожения Великой Армии, число потерянных ею знамен было, в общем, ограничено. Французы сделали все, что было в их силах, чтобы спасти знамена. Так из 35-и полков линейной французской пехоты, мы не определили судьбу только двух орлов (I), 4 были уничтожены, 24 были спасены и только 5 попали в руки русских войск. Сам Кутузов, в донесении его Императору Александру I от 7 до 19 декабря так объясняет малое количество трофеев:

«Имея счастье повергать к стопам В. И. В. забираемые у неприятеля знамена и штандарты, долгом моим citoю представить приказ от Наполеона выданный, коим повелено, оставя при каждом комплектном полку по одному только орлу, все остальное отправить в депо. Из сего В. И. В. усмотреть изволите трудность, которая представлялась в приобретении неприятельских орлов.»

Действительно, с 1811 г. во Французской Армии находилось в строю только одно знамя на полк, когда в Русской их было по два на каждый батальон. Но наряду с официальными полковыми знаменами, которые собственно и являются трофеями, французские войска имели еще по одному значку на батальон, которые не имели никакой ценности.

Мало знакомые с регламентацией Французской Армии, Русские часто принимали за знамена не только батальонные значки, но и значки, которые носили на алебардах ассистенты при орлах и даже подвязанные к трубам платы. Вот почему разобраться в трофеях 1812 г. изследуя только современные русские документы, чрезвычайно трудно.

Справедливость требует также отметить, что некоторые знамена не были взяты в бою, а просто подобраны на поле боя, среди убитых и замерзших воинов Великой Армии.

Вот, что нам удалось установить:

25/27 июля, в Кобрине, в руки войск ген. Тормасова, при сдаче в плен после боя, остатков саксонской бригады ген. Клингеля, достались два знамени и два штандарта. Знамена принадлежали I-му батальону Королевского и 2-му батальону Неземеншельского пехотных саксонских полков, а оба штандарта уланскому Клемента полку. 1) Знамена и один из штандартов находились в Казанском Соборе (Второй штандарт из собора исчез). Нам не удалось установить кто именно взял эти трофеи.

8/20 сентября, у Нессевичи, взвод Александрийского гусарского полка поручика гр. Буксгевдена, отбил в бою три штандарта австрийского легко-конного полка О. Рейи. Штандарты эти были возвращены, в 1812-м же году, Австрии и находятся сейчас в Вене.

8/20 сентября, под Ригой, рядовой Идрик, 3-го егерского полка, взял в бою прусский значок. Попав затем в плен, он сохранил значок на себе и, будучи, в феврале 1813 г. освобожден

из плена, представил его Витгенштейну. Дальнейшая судьба значка не известна.

29 сент./11 октября, при взятии штурмом Вереи, рядовой Старостенко, Вильманстрандского пех. полка взял знамя 1-го батальона 6-го Вестфальского пехотного полка. Знамя находилось в Казанском Соборе.

6/18 октября, в Тарутинском сражении, донская казачья бригада ген. Сысоева 3-го, взяла штандарт 1-го французского кирасирского полка. Кто именно взял штандарт не известно. Защищавший его корнет де Берлемон, получил 13 ран. Штандарт этот находится теперь в Московском Историческом музее.

12/24 октября, у с. Глубокого, обозы 6-го (баварского) корпуса и их прикрытие, были внезапно атакованы гвардейской конницей. Эскадрон л. гв. Уланского полка (а не л. гв. Гусарского, как о том говорят некоторые источники) поручика Глазенапа, отбил фургон, в котором найдено 22 баварских знамени, принадлежавших 11-и баварским пехотным полкам. Все эти знамена, за слабосильностью баварских полков (1.500 бойцов в 11-и полках) были упакованы и помещены в фургон. Это дело дало повод награждать знаком отличия Военного Ордена особенно отличившихся в 1812 г. лейб-улан, а именно унтер-офицеров Кондратенко и Глоба, рядовых Прокофьева, Крохмалева, Коваленко, Демьяненко, Рябенко, Бороха, Чичика, Никитенко, Нагорного, Мораханова, Петрова, Давыдова, Хотицкого, Галушку, Селиванова и трубача Окунева. Эти знамена потом находились в Казанском Соборе, причем некоторые из них были ошибочно прибиты не к своим древкам.

13/31 октября, у Малоярославца, по свидетельству ген. Ермолова, не подтвержденному другими источниками, казаки Платова отбили одно польское знамя. В Казанском Соборе находилось одно древко, с дощечкой орла, которое, по мнению одного польского историка могло принадлежать 15-му польскому пехотному полку, который сильно пострадал в бою с казаками под Малоярославцем.

19/31 октября, у Колоцкого Монастыря, Атаманский полк отбил, по русским источникам «2 знамени», в действительности батальонные значки 1-го и 2-го батальонов 7-го фр. полка легкой пехоты. Оба значка находились в Казанском Соборе, причем значок 2-го батальона был прикреплен к древку с орлом от польского знамени. По этому случаю, польский орел был ошибочно приписан 7-му пех. польскому полку.

22 окт./3 ноября, у Вязьмы, казаки Платова отбили батальонный значок 3-го батальона 7-го фр. полка легкой пехоты.

Ген. Крейц свидетельствует также о взятии в тот же день, под Вязьмой, двух других пехотных французских значков, Сибирскими и Кур-

ляндскими драгунами, о которых русские официальные рапорты не упоминают. Возможно, что это были значки 4-го и 6-го батальонов того же 7-го полка, которые также поступили в К. С. *). Отметим, что полковой орел 7-го легко-го полка, поврежденный русским ядром в Прейсшиш-Эйлаусском сражении, был спасен французами и вынесен из России.

Чуйкевич пишет, что между 16/28 окт. и 24 окт./4 ноября, при преследовании от Малоярославца, было взято одно французское знамя, о котором не упоминают современные русские документы. Вероятно это штандарт 28-го фр. драгунского полка, разбитого в этом районе Донцами. Штандарт был найден у жителей в феврале 1813 г. и препровожден в К. С. Был ли он взят и не представлен по начальству или просто найден, не известно. С. 1911 г. он находился в Юхновском Соборе.

24 окт./6 ноября, между Вязьмой и Дорогобужем, были взяты «два гвардейских штандарта», в действительности оказавшиеся трубаческими платами, найденными казаками на телах убитых трубачей 2-го гвардейского уланского (голландского) полка, совершенно изрубленного эскадрона капитана Шнейтера. В России находилось 7 таких платов, принятых по ошибке за штандарты.

26 окт./8 ноября, у Базикова, полк Тарасов, командовавший донским казачьим Иловайского 3-го полком, собственноручно взял одно знамя, определить которое мы не смогли.

3/15 ноября, в ночном бою на улицах Волковыска, рядовой Мисотников, Вятского пехотного полка, взял знамя 2-го батальона саксонского пехотного полка Фридриха-Августа. Потерявший знамя знаменщик Штейнбах был выгнан с позором из полка и брошен на произвол судьбы.

3/15 ноября, у Кайдан, Старолубовский драгунский полк взял два польских знамени, которые были сданы в К. С. Определить полки которым принадлежали знамена не удалось. Геккель пишет о 14-м пех. польском полку, который в действительности не принял участия в этом деле. Неизвестно и кто взял эти знамена. Командовал Стародубовцами полковник Наний.

Между 3/15 и 6/18 ноября, в сражениях под Красным, было взято несколько знамен и значков, но данные о них в русских изданиях противоречивы. Чуйкевич доводит их число до 15, Кутузов свидетельствует о 6-и. Вот что мы определили:

3/15 — рядовой Гомза, л. гв. Уланского полка отобрал «в пехотной колонне, от кавалерийского офицера — штандарт.» Возможно, что это орел с цифрой «4», сданный в К. С. и кото-

*) Читать всюду «Казанский Собор».

рый Геккель приписывает 4-му пехотному полку, который в действительности спас и вынес из России своего орла. Мы думаем, что орел принадлежал 4-му франц. легко-конному полку, остатки которого были совершенно уничтожены под Красным.

4/16 — Знамя 35-го франц. линейного пех. полка. Древко, орел и ленты были взяты унт. офицером Яковлевым и рядовым Осиповым, Полтавского пех. полка, а полотнище — рядовым Скидановым, Нижегородского пех. полка, что свидетельствует, что знамя это было сорвано с древка. Значок одного из ассистентов 35-го полка был взят полковником Давыдовым, которому некоторые источники ошибочно приписали взятие орла. Полк. Давыдов командовал Московским драгунским полком. Полотнище со временем было украдено из К. С. Орел сейчас в Эрмитаже, а значок был после революции продан и вернулся во Францию.

5/17 — Донской генерал Карпов отбил «5 знамен», среди которых находилось 3 русских знамени и 1 значок, найденный французами в Московском арсенале.

5/17 — Ревельский пехотный полк отбил батальонный значок 1-го полка Вольтижеров Молодой Гвардии, пожертвовавшего собой прикрывая отход других войск. У этого полка знамени не было, а было только два значка.

6/18 — Корнет Карачаров и рядовой Дарченко, л. гв. Уланского полка, отбили в бою знамя 18-го франц. пехотного полка и унт. офицер Зезекало, Полтавского пехотного полка взял значок ассистента 46-го линейного фр. пех. полка. Орел 18-го полка сейчас в Эрмитаже, а значок 46-го вернулся во Францию. Отметим, что значки ассистентов 35-го и 36-го полков не находились в К. С..

К числу взятых под Красным знамен следует прибавить полотнище знамени 127-го пех. лин. франц. полка (орел был вынесен из России). найденное в 1827 г. на базаре Нахичевани — урядника Безмолитвенного, который в 1812 г. не представил его по начальству. К этому знамени Геккель ошибочно отнес и орел без номера, находившийся в К. С. — в действительности 145-го полка и взятый в 1813 г.

9/21 ноября, у Борисова, отряд гр. Ламберта, отбил два польских знамени. Знамя 1-го линейного пехотного полка было взято Арзамасским драгунским полком. Другое знамя, неизвестно кем взятое, принадлежало или 14-му пех. полку или 7-му уланскому (бывшему 1-му легко-конному). Оба эти знамени находились в К. С.

10/22 ноября, у Уши, донской казачий Луковкина полк отбил одно польское знамя (14-го пех. или 7-го уланского полков). Об этом трофее упоминают многие источники, но в рапорте полковника Луковкина о нем ничего нет.

15/27 ноября, на Березине, войсками Витген-

штейна и Платова отбито «4 знамени». При пленении остатков дивизии Партуно, были взяты знамена 44-го и 126-го франц. линейных пехотных полков. Знамя 126-го (голландского) полка было взято капитаном (фамилия неизвестна) 23 егерского полка, адъютантом ген. Властова, знамя же 44-го полка, как будто бы было найдено зарытым в снегу.

Майор Виддер, Финляндского драгунского полка, взял значок, который мы не определили (Геккель ошибочно указывает на 17-й пех. полк). По свидетельству английского капитана Даусона, одно из взятых знамен принадлежало Итальянской Гвардии. В Казанском Соборе находился штандарт итальянского драгунского полка Королевы и платы от труб Итальянских гвардейских драгун.

16/28 ноября — на Березине, войсками Чичагова было взято 2 штандарта. Штандарт 14-го кирасирского полка (голландского) был взят майором Гильденгоф, С. Петербургского драгунского полка и штандарт 3-го французского легко-конного полка, взятый, как будто, Павлоградскими гусарами. Последний Геккель приписал 3-му польскому гвардейскому уланскому полку который в действительности не имел штандарта, и отнес его взятие к делу у Слонима, что явно не соответствует действительности.

21 ноября/3 декабря, у Латигалья, отрядом ген. гр. О' Рурка взяты полковые штандарты саксонских полков Гвардейского и кирасирского Цастрова. Остальные 6 эскадронных штандартов этих полков также были потеряны в России, но на их след мы не напали. Известно только, что потерявший их фендрик Дитмар был с позором выпнан из Саксонской армии.

21 ноября/3 декабря, Донские казаки, ген. Мартынова отбили штандарт как будто 15-го польского уланского полка (без древка, ни орла), который находился потом в К. С.

21 ноября/3 декабря, по донесению Платова, страд Атаманского полка полковника Кирсанова, взял «гвардейский штандарт» определить который мы не смогли и который не находился в К. С.

27 ноября/9 декабря, у Вильны, Сеславин донес о взятии орла. Это вероятно штандарт 4-го франц. кирасирского полка. Штандарт этот был потерян (отвязался от седла), подобран унт. офицером 14-го кирасирского полка и украден у него, с другими вещами, мародером. Как он попал в руки партизан не известно.

Неизвестно какого числа и при каких обстоятельствах, под Вильной унтер-офицер Пономаренко, Мариупольского гусарского полка, овладел штандартом 9-го французского кирасирского полка.

28 ноября/10 декабря, Платов донес о взятии 4 знамен между Вильной и Ковной. Это были

знамена 2-го батальона саксонского полка Рехтен, 1-го и 2-го батальонов саксонского полка Лов и 2-го батальона Франкфуртского пех. полка. Все четыре находились в К. С.

Позднее Платов сообщил, что Ольвиопольский гусарский полк взял еще в этот день «3 штандарта», вероятно трубачские платы, т. к. в 1813 г. Платов не упоминает больше об этих трофеях.

2/14 декабря, у Ковно, Платов взял еще «три знамени», среди них значок ассистента 17-го франц. пех. полка, взятый майором Карауловым (в современных рапортах фамилия его искажена на Карачкова) и «два батальонных знамени изорванные в драке», определить которые мы не могли. Отметим, однако, что в К. С. поступил разорванный штандарт со следами пифры «11» на дощечке орла. Возможно, что он принадлежал 11-му гусарскому полку (голландскому) остатки которого погибли под Ковно. Заметим также, что дирекция К. С. прибила значок 17-го полка на древко с орлом 4-го.

10/22 декабря, ген. Кутузов, доносит о взятии, между Вильной и Ковной одного знамени, о котором мы ничего не нашли.

11/23 декабря, Платов сообщает из Волковыска, о взятии двух штандартов и 5 полотняных значков. Значки безусловно принадлежали 1, 2, 3, 4 и 6-му батальонам 2-го франц. пехотного полка (К. С.), а о штандартах данных не найдено.

12/24 декабря, в Кайданах, было найдено на пленном полотнище одного знамени «Французской гвардии». Возможно, что это штандарт итальянского драгунского полка Королевы, прибитый русскими на немецкое древко (от знамени Вюрцбургского полка, взятого в 1813 г.)

Вообще, в русских рапортах 1812 г. часто упоминается о взятии знамен и штандартов Императорской Гвардии. В. К. С. гвардейских знамен не было. Были ли таковые в других местах, не известно. Французская гвардейская пехота проделала кампанию 1812 г. при двух знаменах на 20 полков. Мы склонны думать, что под термином «гв. штандарты» следует подразумевать трубаческие платы, но есть вопрос, который мы не разрешили. После революции во Франции было продано знамя 1-го гвардейского гренадерского полка, а в Эрмитаже стоит сейчас орел с цифрой «1» — неизвестного полка.

14/26 декабря, у Инстербуга, отрядом ген. Кутузова было взято 4 значка. В этот день попали в плен остатки 2-го гвардейского уланского полка. Возможно, что «4 значка» являются в действительности платами от труб.

Всего-же, в кампании 1812 года, в руки русских войск попали следующие знамена, не считая всевозможных значков, которые трофеями почитаться не могут:

Французские:

1. 18-го лин. пех.	орел и знамя
2. 35-го лин. пех.	орел и знамя
3. 44-го лин. пех.	орел и знамя
4. 106-го лин. пех.	орел
5. 126-го лин. пех. (1)	орел и знамя
6. 127-го лин. пех. (1)	знамя
7. 1-го кирасирского	орел и штандарт
8. 4-го кирасирского	орел и штандарт
9. 9-го кирасирского	орел и штандарт
10. 14-го кирасирского (1)	орел и штандарт
11. 3-го легко-конного	орел и штандарт
12. 28-го драгунского	орел и штандарт
13. 4-го (вер. легко-конного)	орел
14. 11-го (вер. гусарского) (1)	орел треть штандарта

Кроме того в СПб Арт. музее хранились частицы старого знамени 124-го линейного пех. полка, которые не имели никакой ценности, т. к. в 1812 г. этот полк имел новое знамя, которое он вынес из России. На выставке 1812 г. в Москве, в 1912 г. фигурировали еще три орла неизвестных полков, один из которых был найден на Бородинском поле.

Следует отметить судьбу орла 106-го полка. Мы отыскивали протокол об уничтожении этого орла, в ноябре 1812 г. по приказу Принца Евгения. В 1927 г. этот орел, никогда не бывший в К. С. был продан во Францию. Он действительно сильно поврежден ударами молотка. Должно быть он был найден, но остался в частных руках.

Баварские:

Полные знамена 1-го и 2-го батальонов, пехотных полков:

- 1-го Королевского
 - 2-го Наследного Принца
 - 3-го Принца Карла
 - 4-го Герцога Саксонского
 - 5-го графа Прейсинга
 - 6-го Герцога Вильгельма
 - 7-го Принца Левенштенского
 - 8-го Герцога Пиус
 - 9-го графа Изенбурга
 - 10-го барона фон-Юнкера
 - 11-го барона Кинкеля
- всего 22 знамени

Вестфальское:

- 1-го батальона 6-го линейного пехотного полка.

В К. С. под этикеткой «Вестфальский штандарт» хранился шведский штандарт Финляндского драгунского полка, отбитый в 1808 г.

Саксонские:

1. Королевского пехотного полка
 2. пехотного полка Низемейшель
 4. пехотного полка Лов
 5. пехотного полка Рехтен
 6. пехотного полка Фридриха-Августа
 7. Гвардейского кирасирского полка
 8. Кирасирского полка Цастров
 9. 10. Уланского полка Клемента
	1-го батальона
	2-го батальона
	1-го и 2-го батальонов
Соответственно	2-го батальона
	2-го батальона
	1-го эскадрона
	1-го эскадрона
	два штандарта

Кроме того, Саксонцы признают потерю в России всех 4-х штандартов Гв. Кирас., Кирас. Цастрова и уланских Клемента и Альбрехта полков.

Австрийские:

1. 3. 3-го легко-конного полка О'Рейи — три штандарта

Франкфуртское:

1. Пехотного полка фон-Цвейер
- 2-го батальона

Итальянское:

1. Драгунского полка Королевы
- 1-го эскадрона

Отнесенные Геккелем к 1812 г. три неаполитанские знамени были действительно взяты в 1813 г. в Данциге.

Польские:

1. 1-го пехотного орел и знамя
 2. 14-го пехотного орел
 3. неизв. пех. древко и досщечка от орла
 4. неизв. пех. орел (на древко прибит французский значок)
 5. неизв. пех. орел (на древко прибито баварское знамя)
 6. 7-го уланского
 7. 15-го уланского штандарт
- а всего 59 знамен

Следует также упомянуть 4 значка, которые долгие годы стояли в К. С. под названием бергских штандартов и знамен. Геккель пишет, что они были взяты на Березине. Знатоки итальянских знамен утверждают, что это совсем не бергские штандарты, а батальонные значки итальянской Гвардии. Обстоятельства при которых эти значки попали в русские руки еще не выяснены.

Интересно проследить судьбу трофеев 1812 года. В 1912 г. большая часть их была, по Высочайшему повелению, передана из К. С. на юбилейную выставку 1812 г., открытую в Москве, в здании арсенала. Из этой выставки должен был быть создан Музей 1812 г. и знамена были переданы на постоянное хранение. После революции, знамена были переданы в Военно-Исторический музей, а оттуда, в 1924 г. в Государственный Исторический музей. В 1937 г. большая часть знамен была отправлена в Петроградский Артиллерийский музей. В настоящее время трофеи находившиеся до 1912 г. в К. С. распылены по многим местам, но большая часть их находится в Эрмитаже.

Революционные годы и частые перемещения не могли не отразиться на знаменах. Кое что исчезло, кое какие знамена были возвращены Польше, некоторые знамена потеряли орлы, другие — полотнища.

С. Андоленко

О Т Р Е Д А К Ц И И.

Настоящий номер 56 нашего журнала «ВОЕННАЯ БЫЛЬ», почти целиком посвященный юбилею Отечественной Войны, выходит со значительным опозданием, по техническим причинам.

В типографии, где набирается и печатается наш журнал, случилось большое несчастье —

сгорели моторы типографской машины, и совпало это с летним временем — вакаций, когда очень трудно найти рабочих-специалистов и работа была прервана почти на целый месяц.

Редакция и Издательство приносит свои извинения за происшедшую задержку.

СЕН - ДИЗЬЕ

(14 марта 1814 г.)

11-му гусарскому Изюмскому
генерала Дорохова полку.

Хвала Изюмцам — грозным дедам
За трудный бой под Сен-Дизье:
Он нас к решительным победам
Привел по доблести стезе.

.

Три дня барон Винценгероде
Врага тревожит арьергард,
Распространяя слух в народе,
Что с ним лишь русский авангард.

Наполеон обманут тонко:
Он русским дать решает бой
И об атаке общей звонко
Велит вещать войскам трубой.

И вот французы выезжают...
Летят, сбивают казаков,
В коротких схватках окружают
Драгунских наших ряд полков.

Прорвались дальше... В быстром ходе
Полков французских пышет жар.
Их твердо ждет Винценгероде
Готовый выдержать удар.

С ним полк Изюмцев. «Лошкареву —
Во фланг, а к центру — граф Долон!»
И, не внимая пушек реву,
Летят Изюмцы с двух сторон.

Давно не видели гусары
Гвардейских конных егерей,
Давно не сыпали удары
По киверам богатырей!..

Силен за всадников спиною
Бесстрашный в рубке Лошкарев.

Драгун он выручит ценою
Премногих вражеских голов.

Но он потерял: реже реет
Его клинок клинкам в обмен,
Он весь в крови, устал, слабеет,
Изрублен, сбит, захвачен в плен...

Таким же вихрем налетает
Другой Изюмец — граф Долон,
Но в схватке новой быстро тает
Второй и первый эскадрон.

Пал Римский-Корсаков, другие,
Но тут подходит Остапков,
Заветы помня дорогие,
Спасает пушки от врагов.

И Левандовский ранен тоже,
Он свел с удачами итог:
Лежит в плену на жестком ложе,
От ран и боли изнемог...

Как много — много доломанов
Слегло в том доблести смотру
И дробь французских барабанов
Не пробудила их к утру!..

.

Винценгероде долг исполнил:
Париж в те дни был нами взят,
А бой под Сен-Дизье пополнил
Изюмских дел блестящий ряд.

И до сих пор без восхищенья
Нельзя Изюмский вспомнить строй,
Идущий в час самозабвенья
В последний свой пред миром бой!

Иван Сагацкий

Казачья Отечественная война в глазах англичан

Разгром Россией наполеоновских полчищ в 1812 г. вызвал подъем духовной жизни народов; творческий дух человека увековечил эти события в скульптуре, живописи, нумизматике, в исторических и литературных произведениях и в графике. Русские нумизматические памятки этого незабвенного года (не считая позднейшей серии медалей гр. Ф. Толстого) чрезвычайно бедны, в сравнении с иностранной продукцией; за то — немало так называемых *heroüssés* односторонних медальонов, с изображениями, выдавленными в металле; они наклеивались на крышки табакерок или носились дамами как брошки. На них были изображены Император Александр I (редко — и его супруга Елизавета), Кутузов (но не Барклай де Толли, кому должно было отдано позднее), Витгенштейн и два казачьих графа — Платов и Орлов — Денисов. Те же изображения воспроизводились на современных русских (и иностранных) фарфоре и хрустале (казаки особенно входили в моду).

Количественно преобладали карикатуры на Наполеона и его истерзанную армию, созданные в России Ив. Терещенковым и др. (с таким успехом копировавшиеся в Англии Крукшенком, в чем с трудом сознались впоследствии британские исследователи) и в этой области иностранцы, очевидно, были еще более плодотворны: не было страны, в которой издевки над Наполеоном не были увековечены в карикатурах. Несколько отвлекаясь от темы, интересно познакомиться с воспоминаниями современников по поводу распространения карикатур в России. В записках врача гвардейского (французского) корпуса де ла Флиз, попавшего в плен под Красным в 1812 г., читаем следующие строки о его посещении имени помещика Покорского (Мглинского уезда): «...Покорский сказал мне посмотреть, и я заметил, что он очень желал мне их показать; он повел меня в эту комнату и с холодной усмешкой представил мне целый ряд раскрашенных гравюр — карикатур — развешенных на стенах... Это была картина всех бедствий московского отступления и до того верная в самом преувеличении, что она представляла уже не вымысел, а горькую действительность. И эти сцены, вместо жалости возбуждали дикий хохот в русском помещике!...»

Итак — француз-доктор по достоинству понял, прочувствовал и оценил русские карикатуры, но не мешало бы ему вспомнить поговорку: «*Rira bien qui rira le dernier*».

На русских карикатурах встречаются и казаки, но на иностранных, особенно английских

и немецких, казаки доминируют и поэтому создается впечатление (у иностранцев), что «казак» гнал французов из России, что это он выиграл лейпцигскую битву и в клетке отвез Наполеона на остров Эльбу, а позднее наводил страх на парижанок...

Англичане, чувствуя в Лондоне казака Землянухина в 1813 г., и атамана Платова в 1814 г., — всецело отдали дань преклонения перед казаками (недаром Император Александр I дипломатически прихватил с собою в Лондон одного графа Платова!). Попавшаяся мне редкая книжица поясняет — почему казаки, и только они, осуществили английскую мечту об уничтожении Наполеона. В ней доказывается, что квинт — эссенцией русского народа были и есть казаки. Книга эта напечатана в Эдинбурге в 1814 г., в 16^о, на 107 страницах; ее заглавие: «*A Concise History of the Cossacks including a sketch of the Customs of the Greek Church, by Samuel Killte, author of lectures on the Apocalyptic Espistles...*». (т. е. «Краткая история казачков, включая очерк обычаев греческой церкви, составил Самуил Киттель — автор лекций об Апокалиптических посланиях...»). Итак — автор интересуется религией и потому в своем труде анализирует православие (отдавая преимущество англиканству — очевидно); возлагает большие надежды на «Библейское Общество», квакеров и т. п., начавших уже проникать в Россию при содействии кн. А. Н. Голицына и присных, и видит в казаках кандидатов в проповедников христианства — среди магометан и язычников, населявших окраины России на юге и востоке... (Кстати — следствием этих англиканских мечтаний появились «Ланкастерские войсковые школы» — игравшие у нас известную роль до 60-х годов прошлого столетия).

В начале книги, видим гравированный портрет, в рост, знакомого уже нам казака Землянухина (это — тринадцатый, не описанный, его портрет), в конце книги — Землянухину посвящены еще три страницы, описывающие его пребывание в Лондоне в мае 1813 г. (подробное повествование напечатано мною в № 4 «Военно-Исторического Вестника» 1954 г.).

Приступаю к краткому изложению содержания этой любопытной книжки. В предисловии автор поясняет, что предпринял он свой труд для просвещения британской молодежи — вследствие всеобщего увлечения казаками в «настоящее» время и что все данные почерпнуты им из ряда воспоминаний путешественников по России, начиная с труда Брауна «История казачков и их войн с Польшей», напечатанном

в 1672 г. В нем нашел он первое известие о казаках, а именно — что «польские казаки, служившие в войсках греческого императора в 948 г., — были им рекомендованы польскому королю и, следовательно, прозвище «казаки» восходит к классической эпохе... Казаки, мол, — народ свободный, интеллигентный; они отстаивали свои права на свободу верования и заброшенного на них позорного рабства. — ведь долгие войны против Польши, и потому автор утверждает, что, истребив казаков, поляки сами нанесли себе первый удар по своей независимости. Автору безразлично — одинакового ли происхождения «русские» и «польские» казаки, а важно то, что все казаки объединены одной религией что теперь им доверена охрана границ могущественной Российской Империи, окруженной разнообразными магометанскими и языческими племенами, с которыми казаки непрестанно сталкиваются. Следовательно, автор в этом уверен, будет весьма легко наберечь известное количество казаков, которые... будут проповедывать Св. Писание среди этих непросвещенных соседей, например, во время... ярмарок, при чем автор ссылается на достигнутые таким способом успехи — в восточной Индии!...

В главе о происхождении «казачьих племен» — автор заявляет, что это точно никогда установлено не было; некоторые, мол, историки утверждают, что казаки — польского происхождения, как и их язык; другие — находят их предков в стране «Кассахра», части нынешней Черкесии, в соседстве «горы Кавка». Но, согласно истории, исповедуемой самими казаками, их предки эмигрировали из... Греции, не были допущены в среду «народа Азова» — и потому основали свою столицу севернее, назвав ее «Черкасской»; размножились они быстро — благодаря «конституционному закону» дающему право гражданства всем желающим стать казаком; и потому — казаки являются смесью русских, поляков, татар, черкесов, калмыков, армян, греков и турок... Разсуждая об этимологическом происхождении слова «казак», автор ссылается на мнения нескольких ученых; например, что слово «казак» происходит от польского слова «коза», подвижностью которой одарены эти воины: а может быть и потому, что казаки одевались в козы шкуры; еще существует мнение, что слово «казак» означает «бродягу», ибо казаки неусидчивы и живут грабежами; наконец — будто это слово происходит от — «каса» = «мыс»...

Две последующие главы посвящены польско-казачьим взаимоотношениям и войнам между ними; затем следует описание «знакомства» казаков с русскими: «Казаки связались с Россией не позже 1021 года, когда русские под предводительством князя «Мистизлава» по-

рили страну, примыкающую к горе Кавказ — Кабарду; так как Русь не ранее 900 года приняла христианство, то есть немного ранее покорения казаков. — следовательно исключение в свою среду народа, ужо ранее исповедывавшего христианство (т. е. казаков), несомненно очень повлияло на духовную сторону русских: культурность и храброость казаков вынудила русских отнестись к ним с особой учтивостью. Затем автор всесторонне описывает казаков; ...«первое впечатление, производимое казаками, — это их чрезвычайно воинственный вид, благородный, величественный! Приподнятые брови, темные усы; высокий головной убор из черной шерсти — с мешком, с султаном и шнурами, с белой кокардой. Казак держится прямо, легко и элегантно ходит, все это выявляет его значительность; казаки одеваются богаче всех прочих русских; их форма состоит из синего сюртука на шелковой подкладке, застегнутого на груди крючками; под сюртуком — шелковый жилет, внизу прикрытый шарфом; широкие, длинные брюки — из того же материала или белого плиса; все это — исключительной чистоты; шаровары охватывают тело выше талии и спускаются на сапоги; в мирной, домашней обстановке казак носит в руке трость с набалдашником из слоновой кости; сабля одевается во время путешествий, на войне, когда казак верхом. Но, повторяю, самое красивое — это шапка, украшающая каждое лицо она увеличивает рост и, вместе с... бакенбардами придает воинственный вид самой... невзрачной фигуре. Они подстригают волосы вокруг головы, но на маковке оставляют хвост; их волосы — прямые, густые, темные. Их шарфы бывают желтого, зеленого или красного цвета, чаще всего черного; они носят большие, военные перчатки (!). Во всем свете нет народа, носящего более чистой одежды — будь то молодежь или старики; их руки — всегда чисты, волосы — избавлены от насекомых, их зубы — белы, цвет лица — чист и здоров... На действительной службе каждый (!) казак должен иметь... две лошади: одну верховую, легкую — полую для разных запасов. Вооружение состоит из пики, длинной в 12 футов, со стальным наконечником и небольшим флажком, пары пистолетов с патронташем; сабли без эфеса и нагайки, сплетенной из кожи, толщиной в большой палец, висящей на кисти правой руки; нагайка употребляется для подбадривания коня и против... побежденного неприятеля (!). Некоторые казаки живут очень богато, пользуясь всеми... тонкостями и роскошью... самых цивилизованных народов (!). Более бедные обеспечены хорошей пищей и имеют больше волки, чем могут выпить; порядок и согласие всегда поддерживаются в станицах. Казачья пляска очень похожа на английский народный танец,

хотя сопровождается свистом и визгом; они поводят головой от плеча к плечу и держат руки около ушей; в общем — все схоже с китайскими и татарскими танцами...

За тем следует подробный разбор (вопрос близкий автору) религии казаков — сопричастной греческой; выводы автора: праздники — чуть ли не каждый день; чрезвычайное количество церемоний привело к тому, что они с большим усердием преклоняются перед пустяшными, причудливыми обрядами — чем подерживая доктрины и повинаясь заповедям; проповеди слушают редко, иногда только в великом посту; знание катехизиса — ничтожно и потому понятие о христианстве сведено к знакомству с внешней обрядностью; это не истая набожность, а театр; амулеты и талисманы очень распространены и носятся в карманах; они воздвигают частные каплицы в честь любимых святых и не жалеют денег, украшая картины, писанные масляными красками, называемые «Бог» и «Образ». Белое духовенство особенно не подготовлено к исполнению своих обязанностей; приходские священники еле читают и пишут; церковная служба руководится правилами, изложенными в 20 огромных томах, и т. д. (Автор, который очевидно никогда в России не был, — ссылается тут на ряд англиканских духовных трудов).

Следует обзор отдельных казачьих войск, начиная с Донского (между прочим автор говорит, что в 200 милях вверх по Дону от станицы «Землянская» — находятся остатки крепости, построенной Александром Македонским...); донские казачки в общем, «beau filul» (т. е. прекрасны, красивы), но их одежда странновата: замужние носят шляпы вроде епископской митры, а девицы — индийские платочки. Лавки главных городов хорошо снабжены всеми предметами роскоши... и в них можно найти все для комфорта и удобства цивилизованного народа... В «Черкасской» имеется общественная «академия», в которой преподаются разные иностранные языки, геометрия, механика, география, история, арифметика и пр., в которой воспитываются все офицерские дети... Главные города войска Донского называются «Черкасской» и «Казанской», оба на реке Дон; дома преимущественно деревянные на столбах ибо во время разлива реки весь город наводняется, кроме места, где высятся собор. Население этих городов очень весело и общительно; часто устраиваются балы и вечеринки; был и театр, но теперь он ... запрещен! В особенности празднуется день прибытия огнеприпасов, посылаемых русским правительством. Недавно казаки начали строить новый город на берегу Аксая, который будет соперничать с любым другим русским городом! ... Их церкви гораздо лучше построены (и в смысле архитектуры и внутрен-

них украшений) — чем наши английские... казачьи дома гораздо лучше русских... Количество населения точно неизвестно, ибо казаки не разрешают производить перепись населения на своей территории!! ... Потом следует описание — «Сечи или Малороссийских казаков», «Черноморских и Запорожских казаков», «Волжских», «Гребенских», «Оренбургских», «Уральских» и «Сибирских» казаков.

В конце этой курьезной, почти комической, книжки, запечатлевшей (наравне с карикатурами) британское увлечение казаками 1812-1814 г.г. (но не далее), находим четыре добавления. Остановимся на первом и четвертом (второе повторяет Землянухинский анекдот, а третье содержит краткие географические и статистические данные о России).

Первое добавление озаглавлено: «План формирования казачьих полков»; вот дословный перевод его: «Мистер Друвилл, капитан кавалерии, вручил герцогу Йорскому, как главнокомандующему великобританской армией, проект сформирования корпуса пикинеров или легкой кавалерии по примеру казаков. Мистер Друвилл предлагает нижеследующий штат каждой сотни:

Подъесаул	1
Хорунжих	2
Подхорунжих	4
Урядников	8
Рядовых	86
Трубачей	2
Итого, включая офицеров	104.

Каждый полк состоит из восьми сотен, или 832 человек, включая офицеров, составляя 4 дивизиона. Цвет формы — зелено-травянистый с небесно-голубым прикладом. Длина пики — 10 футов, с флюгером национальных цветов, прикрепленным ниже наконечника.

Одно лишь заглавие четвертого дополнения вполне отражает апокалиптические мечты автора книжки, но тут он базируется уже на данных, доставленных прямо из Петербурга. Заглавие дополнения гласит: «Усилия для морального и религиозного усовершенствования Российской Империи»; следуют сообщения петербургского корреспондента: «23 января 1813 года проект российского «Библейского Общества» был предложен собранию из 40 лиц в доме кн. А. Н. Голицина (министра народного просвещения и духовных дел!). Когда присутствующие заняли места, был прочтен Императорский Указ, разрешавший учреждение «Библейского Общества», с центральным управлением в Петербурге, и его устав. Председателем единогласно избран кн. А. Н. Голицын... Поражало единодушие членов собрания, состоявшего из православных, армян, католиков, лютеран и кальвинистов... Отныне (!!) проповедь Слова Божия распространится от Балтийского

моря — до Восточного океана, от Ледовитого океана — до Черного моря и границ Китая!!?» — Следующее сообщение гласило: «20-го февраля 1813 г. состоялось второе собрание Библейского Общества; отчет прочел г. Попов; уже 7000 библий было отпечатано для бесплатной раздачи... Внесен ряд предложений: 1) немедленно напечатать немецкую библию; 2) выдать пленным Новый Завет; 3) учредить в Петербурге склад Библейского Общества, который будет снабжать библией каждого на его языке... Император очень доволен открытием этого общества и обещал помочь; Его Величество и другие члены Императорской Фамилии всем сердцем пошли навстречу этому доброму делу...»

2-го декабря из Петербурга писали: «Общество печатает библию на калмыцком, армянском, финском, немецком, польском, французском, славянском, эстонском и латышском языках, намечено печатание на языках исландском, шведском и лапландском... Со всех концов России поступают просьбы о присылке библии, а из Сибири — тобольский губернатор, вместе с двумя князьями-язычниками, прислал пожертвование!!!»

Мы обязаны автору весело проведенным временем при чтении его «казацкой истории»; подобные «истории» печатаются и в наше время...

Владимир фон-Рихтер

Х О Р Ы

на случай прибытия 2-й Гренадерской дивизии из заграничного похода в город Смоленск 14 января 1816 года.

Раздавайтесь крики плески
В сретенье сынам побед...
Гром оружий, молний блески,
Огонь пожаров — вражий след —
Обратитесь в вертограды
И обители утех.

С лавром, миртой и оливой
Возвратились в свой край,
Край блаженной и щастливой
Средь семей — в земной свой рай —
Вои грозные средь боя,
Кротки в мире, тишине...

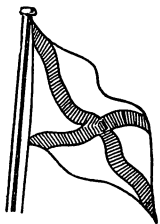
Все толпятся зреть героев:
Юны девы, граждане;
Каждый мнит, из сих воев
Устрашит врагов один,
Защитит свой край родимый
Иль падет средь вражьи сил...

Так сбылось: кровавы бои
Уменьшили ряд сынов...
Пали в веру, в честь герои,
Пали в честь своих врагов —
И отечеству священная
Память павших на битвах...

Днес сей град, страдой полный,
Возвратившихся узря,
Их заслугами довольный,
В славу Родины, Царя,
Купно с воинами, дружно,
Торжествует славы день...

Раздавайтесь клики, плески
В сретенье сынам побед...
Гром оружий, молний блески,
Огонь пожаров — вражий след —
Обратитесь в вертограды
И обители утех.

Русский Флот во время Наполеоновских войн

Период наших войн с Наполеоном начался в 1804 году. В то время, победы адмирала Ф. Ф. Ушакова были еще свежи у всех в памяти и, для укрепления русского влияния на Средиземном и Адриатическом морях, была послана эскадра адмирала Дмитрия Николаевича Сенявина. Эскадра эта, идя из Балтийского моря, встретила, на своем пути, английский флот, возвращающийся, после Трафальгара, под приспущенным флагом мертвого Нельсона.

В 1806 году, адмирал Сенявин начал военные действия против французов. Наполеону удалось поднять против России мусульман и у Сенявина оказался в второй противник — турки. Настоящая заметка не имеет своей задачей описания блестящих действий русского флота и его победоносных десантов под командой адмирала Сенявина, но победный гром сенявских пушек, в самых уязвимых для Наполеона местах, при иной обстановке, мог бы заглушить раскаты залпов Аустерлица.

Уже сложная, политическая обстановка, после Тильзитского мира, когда французы из врагов стали союзниками, сделалась совсем необычайной. Отдельные корабли Сенявина попали в распоряжение Наполеона. Русское правительство не проявило достаточного внимания к этому театру войны и к своему флоту, а Император Александр I-ый не оценил русского адмирала, «Нельсону равного».

Наступивший 1812 год поставил перед Балтийским флотом задачу обороны Санкт-Петербурга и действия на морские коммуникационные линии Наполеона.

Речные флотилии сражались в армии Витгенштейна.

Мелкосидящие французские суда проходили Голштинским каналом, вне досягаемости огня, глубоко сидящих, английских судов и, пользуясь морскими путями, Наполеон старался сосредоточить на Балтийском побережье запасы, необходимые Великой Армии на зиму, но, в Балтийском море, русские канонерские лодки и речные флотилии, под командой адмиралов Р. В. Кроуна, А. В. фон Моллера и Е. Е. Тета непрерывно атакуя караваны и сражаясь с французскими кораблями, не допустили их к Риге и, под Митавой, уничтожили все военные запасы заготовленные для Великой Армии.

За несколько дней до Бородина, англо-русская эскадра произвела демонстрацию под Данцигом и можно думать, что вести о русских мор-

ских успехах, на Балтийском побережье, дошли до Наполеона накануне Бородинского боя. Так ли это, пока точно не известно но, благодаря удачным действиям Балтийского флота, Великая Армия лишилась всей части своего снабжения, шедшей морскими путями.

На суше, в Отечественную войну, сражался Гвардейский Экипаж. В 1912 году, к столетию войны, на Бородинском поле, его подвигам, был поставлен памятник. Всем известна прекрасная картина, изображающая почетный караул от Гвардейского Экипажа в Тюльерийском дворце, после взятия Парижа.

Во время Наполеоновских войн и непосредственно после заключения мира, прославили Андреевский флаг экспедиции И. Ф. Крузенштерна, В. М. Головнина, Ю. Ф. Лисянского, Ф. Ф. Беллинсгаузена и других, открывшие ряд островов и назвавшие их русскими именами, почерпнутыми в Отечественной войне. Увы и тут сказалось общее невнимание Александровской эпохи к флоту. Правительство отказалось от всех этих приобретений и попытки присоединения к Российской Короне, вновь открытых, островов — потерпели неудачу.

А. Крапивин

ФЛОТ И ПАМЯТЬ ОБ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

Флот сделал все, чтобы славу Двенадцатого года распространить возможно дальше, даже в страны, лежащие вне пяти частей света.

Привожу, относящиеся к Отечественной войне, названия земель и островов, открытых русскими моряками:

В Северном Великом океане — остров Кутузова (лейтенант Коцебу на бриге «Рюрик» в 1816 г.), острова Бородино (лейтенант Понафидин на корабле «Бородино» в 1820 г.), острова фон-Моллера (кап. лейт. Станюкович в 1823 г.).

В Южном Великом океане — острова Ермолова, фон-Моллера, князя Волконского, князя Голенищева — Кутузова Смоленского, генерала Раевского, генерала графа Остен-Сакен, (кап. 2 р. Беллинсгаузен на шлюпе «Восток» и лейтен. Лазарев на шлюпе «Мирный» в 1820 г.).

В Южном Ледовитом океане (у южного полюса) — берег Императора Александра I, острова Бородино, Мальй Ярославец, Смоленск, Полоцк и адмирала Шишкова (кап. 2 р. Беллинсгаузен на шлюпе «Восток» и лейтен. Лазарев на шлюпе «Мирный» в 1821 г.).

извлек Алексей Геринг

Гренадеры в Российской Императорской Армии

В № 51 «Военной Были» с удовольствием прочел интересную статью «Гренадерки», в которой автор ее Е. Молло так подробно описал зарождение, жизнь и финал этого оригинального головного убора.

Эта кажущаяся мелочь описания формы одежды явится для будущего историка очень ценным пособием, которое даст ему возможность разбираться в старинных гравюрах и фотографиях разных эпох нашей славной, доблестной Русской Императорской армии.

Трудно, конечно, здесь в эмиграции, не имея под рукой всех нужных данных, нарисовать более подробную картину организации и службы grenadier. Вот почему, располагая некоторыми историческими документами и данными, я и решил кое что дополнить и уточнить в этой интересной статье.

В России первые grenaderские полки были сформированы не в 1756 г., а много раньше. Еще до Полтавской битвы, в полках молодой петровской армии были grenaderские роты.

При тогдашних, сравнительно слабых, огневых средствах и малой дальности, grenaderы являлись чем то в роде примитивной артиллерии.

Согласно истории Л. Гв. Кексгольмского полка и выписки из Справочной книги Императорской Главной Квартиры, Петр Великий, готовясь к Полтавскому сражению, для усиления огневой мощи армии, в начале 1709 г., сформировал grenaderский полк, выделив для этого 12 grenaderских рот из пехотных полков: Санкт-Петербургского и Володимирского (оба впоследствии слились в 61-й пехотный Владимирский полк), Выборгского (получившего № 85), Троицкого (впоследствии 97-й пехотный Лифляндский полк), Смоленского (получившего № 25), Архангелогородского (получившего № 17), Галицкого (расформированного в 1731 г.), Пермского (переименованного в 131 Тираспольский п.), Азовского (получившего № 45) и гарнизонных: Белозерского (переименованного в 77 пех. Тенгинский), Юрлова и Черемисова (оба расформированы в 1712 г.).

Этот, вновь сформированный, полк под наименованием Grenaderского Генерала Де-Боа полка, принял участие в Полтавском сражении. После блестяще одержанной победы, Петр Великий распускает выше названные роты по своим полкам, с тем, чтобы через 10 месяцев, из тех же рот, в том же составе, сформировать Grenaderский полк, который и стал родоначальником Л. Гв. Кексгольмского полка, по-

крывшего себя, в первый же год своего основания, победными лаврами при взятии Шведских крепостей Выборга и Кексгольма. В 1713 году приданный ко 2-ой дивизии, этот полк получил название 2-го Grenaderского полка.

К концу царствования Петра Великого, в армии насчитывалось пехотных частей: 2 гвардейских, 2 grenaderских и 42 пех. полка. Пехотные полки были 2-х батальонного состава. Помимо этих 2-х специально grenaderских полков, в состав каждого пехотного полка входила 1 grenaderская и 7 фузилерных рот.

В петровской армии grenaderы были как бы особым родом оружия, нечто в роде специальной войска. Форма, вооружение и снаряжение grenader отличалось от прочих фузилерных рот. В grenaderы назначались отборные люди, более крепкие, ловкие и смелые. В grenaderские роты переводились за отличие и они пользовались, наравне с артиллерией и инженерными частями, правами молодой гвардии т. е. были на чин выше армии. Старая гвардия была тогда на два чина выше армии. Впоследствии, специальная служба grenader стала, постепенно, терять свое особое назначение и звание grenader давалось полкам в виде отличий, которые подымали дух части. Так Павловский Grenaderский полк, сформированный в 1796 году, покрыл себя неувядаемыми лаврами славы.

Кроме звания Grenader, части войск получали в виде отличий и права Молодой Гвардии. Так в 1812 г., за боевые отличия, права Молодой Гвардии получили полки: Л. Гв. Grenaderский, Павловский и Кирасирский Его Величества, а в 1830-31 г.г. и Л. Гв. 3-ий Стрелковый Его Величества. В том же 1830-31 г. полки Л. Гв. Grenaderский и Павловский, за боевые отличия получили права Старой Императорской Гвардии, а посему Л. Гв. Павловский полк не сопричислен к старой гвардии, как говорит автор статьи «Гренадерки», а получил это звание за отличие.

В 1883 г. в виду упразднения прав Молодой Гвардии, полки Л. Гв. Кирасирский Его Величества и Л. Гв. 4-ий Стрелковый Императорской Фамили получили права Старой Гвардии. Скорее о них можно сказать, что они были сопричислены к Старой Гвардии.

С 1883 г. Старая Императорская Гвардия была лишь на один чин выше армии. В 1894 г., за достопамятную службу полка, как было сказано в Высочайшей телеграмме, полки Л. Гв. Кексгольмский и С. Петербургский (ныне Петроградский) получили сразу права Старой Императорской Гвардии.

Е. Л. Янковский

РУССКИЕ ВОЕННЫЕ ОРКЕСТРЫ

Из библейских преданий мы все помним, что стены Иерихона рухнули благодаря могучим звукам военных труб. Такое, чисто артиллерийское, качество древние народы приписывали военной музыке И, неизменно, во все последующие века все народы, без исключения, считались с могучим влиянием музыки на двух воюющих. В большинстве случаев, музыка связывалась с победой, но часто она употреблялась и для поднятия духа войск, а иногда, сопровождала и поражение.

Употребление музыкальных инструментов в русских войсках восходит к 14-му веку. В «Задонщине» можно прочесть: «Кони ржут на Москве, бубны бьют в Коломне, трубы трубят в Серпухове, звенит слава по всей земли русской, чудно стязи стоят у Дону великого». — В летописи 14-го века: «И начаша мнози гласы ратных труб трубити и варганы тепут (звучат) и стязи ревут неволчены». — В «Слове о полку Игореву»: «Они же князем славу рокотаху».

У некоторых русских князей при знаменах имелось до 140 труб и бубнов. При царе Алексее Михайловиче применялись литавры (в рейтарских конных полках) и т. н. НАКРЫ, известные в настоящее время под именем «БУБНЫ». Эти бубны доходили иногда до огромных размеров: их везли несколько лошадей и ударяли по ним до 8 человек.

Военные реформы Императора Петра положили начало и организацию более или менее правильным оркестровым единицам, при полках российской армии. Инструменты стали множиться, к музыкантам стали предъявляться требования больше, чем к «производящим лишь шум».

Первоначальные инструменты (типы их работали во Франции при Людовике XIV) состояли из трех групп: 1) палки и барабаны, 2) трубы и литавры и 3) гобой и фаготы. Постепенно к ним прибавились валторны, серпенты, тромбоны и «тупые инструменты»: барабаны талеры и треугольники. В царствование Анны Иоановны, оркестровое исполнение поднялось на большую высоту. Учителя музыки, главным образом итальянцы, высоко поднимали технику исполнения, настолько, что на придворных оперных спектаклях, в оркестре, стали появляться музыканты гвардейских полков.

Все выдающиеся военные полководцы: Петр I, Суворов, Кутузов, Багратион и др. придавали, участию музыки в сражениях, большое значение. Суворов говорил: «Музыка в бою нужна и полезна и надобно, чтобы она была — самая громкая. С распущенными знаменами и громо-

гласной музыкой я взял Измаил». — Скобелев, высоко ценил то значение, которое приобрела музыка в боях. Он баловал музыкантов, дорожил ими, и, обладая хорошим слухом, часто давал им советы и высказывал свои пожелания. — Шли времена, менялись эпохи, характеры боев, но музыка сохранила свое значение и по сие время.

Первым учителем, организовавшим военные оркестры, как я сказал выше, были иностранцы и, естественно, они наложили определенный стиль на репертуар. Немного исполняемых вещей докатилось до наших дней, но то, что сохранилось, — ясно указывает на сильное влияние Западной Европы. Тем не менее, талантливые русские музыканты постепенно захватывали командные посты. Уже на конкурсе военных оркестров в 1867 году в Париже оркестр Кавалергардского полка занял ПЕРВОЕ место. Известные деятели той эпохи дали целый ряд выдающихся военных дирижеров — капельмейстеров: РАЛЬ (1802-48), БУРМ (1826-1904), ГЛАВАЧ (1849-1911), ВЛАДИМИРОВ (1870-1932) и др. Огромную роль сыграло открытие Рубинштейном Петербургской и Московской консерваторий и целой сети Императорских Музыкальных училищ в провинции. В армию стали поступать, в качестве капельмейстеров, не самоучки-любители, а настоящие музыканты с законченным образованием. Добрым словом следует лишь раз упомянуть Николая Андр. Римского - Корсакова, больше чем десятилетняя деятельность которого, в качестве главы всех военных оркестров русского флота останется навсегда одной из славных страниц истории русской военной музыки. Он, с присущей ему «дотошностью» сам выучился игре на всех почти военных инструментах, включая и такие труднейшие как кларнет. Его забота об обязанностях морские оркестры поднятием репертуара, улучшением качества инструментов и тщательностью обработки партитур. Николай Андреевич очень увлекался этой стороной своей деятельности, хотя в своих произведениях он нигде не дает самостоятельной роли военному оркестру, — ограничиваясь звучанием «медных», которым он никогда не придавал характера воинственного ограничиваясь героическим характером звучания (как и Вагнер и Берлиоз).

Зато, целый ряд русских композиторов отдал дань военным оркестрам. Алябьеву принадлежит первая русская симфония (1830 г.) для военного оркестра. У Глинки военный оркестр фигурирует в обоих его операх («Жизнь за царя» и «Руслан»).

Приложили руку к этому виду творчества и Чайковский, и Рубинштейн и Балакирев и Гла-

зунов. Последним произведением последнего был концерт для группы саксофонов, великолепно исполненный в Париже музыкантами французской национальной гвардии.

Предвоенная эпоха (до 14 года) вознесла на сцену большую высоту и технику и репертуар военных оркестров. Правда «марши» — самое основание военной музыки — попрежнему текли из за границы и, как это ни странно, не столько из Германии сколько из Франции, где было великолепно организовано, на самых коммерческих основаниях, издательство. Интересно, что носили они названия в большинстве случаев, связанные с француско-прусской войной: «Сувенир де Диденгейм», «Ночь на Рейне» и т. п. Высылались они за очень небольшую плату уже с готовыми партитурами и печатными партиями для каждого инструмента. Большой музыкальностью не отличались!

Военные оркестры имели несколько вариантов в смысле своего состава: напр. в коннице, как правило, были только медные инструменты (деревянные если и были, то употреблялись лишь на балах, концертах и пр.). Отчего кавалерийские оркестры звучали несколько своеобразно. В них отсутствовали также тарелки и барабаны. В пехотных полках — наоборот, они разрастались часто до огромных размеров: вводились саксофоны, гобой, фаготы, а иногда и струнные контр-басы, которые в некоторых концертных номерах давали большую мягкость.

Оркестры пехотных полков назывались «полковыми оркестрами», в коннице и артиллерии — «хорами трубачей».

Считалось, что 4-ые полки дивизий — бывшие егерские — должны иметь оркестр без деревянных инструментов и без барабанов — на подобие кавалерийских. Но это не везде соблюдалось. Хотя, например, Лейб-Гвардии Финляндский полк строго держался только медных инструментов. Этот оркестр неизменно выступал на сцене Мариинского театра в тех операх, где требовался военный оркестр («Аида», «Кармен», «Фауст» и др.).

Артиллерия не имела никаких казенных отпусков на содержание оркестра и потому было несколько артиллерийских бригад, у которых таковых не было, но большинство, на небольшие экономические капиталы, (батареи имели собственное хозяйство) и на добровольные вычеты из скудного офицерского содержания, имели небольшие, но всегда хорошо слаженные оркестры.

Репертуар, помимо военных маршей, разросся до исполнения целых симфонических произведений. Очень распространено было исполнение т. н. «попури» из разных опер как русских, так и иностранных.

Помимо Н. А. Римского-Корсакова, целый

ряд русских композиторов потрудились над выработкой репертуара военных оркестров. Мало кому, например, известно, что «модернист», «мистик», автор «Поэмы экстаза» Скрябин сделал много черной работы для гармонизации произведений русских композиторов. Вероятно он, в какой то период своей жизни. нуждался и исполнял для заработка эти работы. Я этого не знаю. Во всяком случае его предложения и гармонизация всегда были превосходны. Особенно запомнилось мне в его переложении попури из оперы «Пиковая Дама». Одно время были в моде марши американского композитора Суза, очень энергичные, бравурные и эффектные.

Техническое совершенство военных оркестров — было настолько высоко, что оркестры исполняли такие труднейшие вещи, как марш Берлиоза, отрывки из «Лоэнгрина», «Тангейзера».

«Основой» каждого оркестра «была группа т. н. «вольнонаемных» музыкантов, музыкантов профессионалов, поступивших в полк по вольному найму. Они носили форму полка и соблюдали весь военный режим, часто оставаясь на службе до очень почтенных лет.

Вторым элементом, пополнявшим оркестры полков, были мальчишки, бравшиеся из домов призрения или просто сироты мещанского сословия и бывших солдат. Мальчишки эти также носили форму полка, получали даже звания до достижения ими призывного возраста. Эти ребята быстро усваивали технику и через несколько лет становились очень хорошими музыкантами, часто оставаясь на службе уже в качестве военных музыкантов. Все они включались в полковые школы солдатских детей, где проходили элементарный курс грамоты и арифметики.

В столицах, где были консерватории, много молодежи, которой предстояло отбывать воинскую повинность, предпочитало поступать в гвардейские полки в качестве музыкантов. Поэтому оркестры гвардейских полков отличались особенным великолепием и огромным количеством музыкантов. В некоторых полках число музыкантов доходило до 80 человек; имелись, кроме того, в некоторых полках и симфонические оркестры.

В военных училищах — Павловском и Александровском, находившихся в столицах, по вышеуказанной же причине, были великолепнейшие военные оркестры.

В Александровском военном училище, до глубокой старости, был капельмейстером знаменитый Крейнбринг — отличный музыкант, строгий и грубоватый немец. Оркестр Александровского училища принимал постоянно участие на сцене Большого Московского театра, играя на ней оркестровые номера.

В Петербурге, на сцене Мариинского театра, эту роль неизменно исполнял оркестр Л. Гв. Финляндского полка, который до самых последних дней держался старых традиций и имел в своем составе исключительно медные инструменты.

Полки Варшавской гвардии (3-ей дивизии) соперничали в составе оркестра с полками Петербургской гвардии (1ой и 2-ой дивизий).

Кто из людей моего поколения не помнит концертов-монстр, происходивших ежегодно на сцене Императорского театра в Петербурге. В этих концертах принимал участие соединенный оркестр всех полков гвардии (лучших, конечно, музыкантов), доходивший до 500 человек. Вся огромная сцена Мариинского театра, начиная от суфлерской будки, постоянно повышаясь, занималась музыкантами до самого верхнего края «задников». Последний ряд был занят целиком одними большими турецкими барабанами. Все музыканты были в парадной форме своих полков и один уже этот вид представлял великолепное зрелище. Дирижировали лучшие капельмейстеры гвардейских полков. Концерты носили название «инвалидных», так как весь доход шел на помощь русским военным инвалидам. В этих концертах, помимо оркестра-монстр, всегда любезно принимали участие лучшие русские певцы и певицы.

Тянулась за столицами и провинция: устраивались также концерты на подобие «инвалидных» из соединенных оркестров полков гарнизона. В нашем богоспасаемом Житомире, в соединении трех оркестров пехотных полков и одного кавалерийского, я слышал прекрасное исполнение «увертюры Чайковского 1812 года», произведений Берлиоза, Вагнера и Балакирева.

Военные инструменты изготавливались, главным образом, двумя большими фабриками: «Юлий Генрих Циммерман» в Петербурге и фабрикой Червенного в Киеве. Иногда инструменты покупались и за границей. Инструменты фабрики Червенного отличались точностью отделки и очень приятным «бархатным тоном». Но и Циммерманские были тоже хороши. Считалось однако, что смешивать в одном и том же оркестре инструменты разных фабрик нехорошо. Какая то, едва уловимая, разница существовала и в тембрах и в силе звука.

Несколько слов, понятных, может быть, только музыкантам, но имеющих интересную сторону.

Военный оркестр (подразумеваю духовой) имел в общем очень маленький диапазон: всего лишь 2 октавы. Самая высокая нота у ведущих инструментов, корнет-а-пистон, была ДО. Принимая же во внимание, что корнет-а-пистон изготавливались в тональности В (СИ бемоль), —

этот диапазон суживался еще на одну ноту. Благодаря этому, военный оркестр всегда звучал более «компактно», или, выражаясь музыкальным языком, он играл в «узкой гармонии».

Подобно тому как в хоровом пении, голоса однородного хора звучат более сжато, голоса ближе друг к другу и многие любители хорового пения, даже не знающие теории, инстинктивно предпочитают пение мужского однородного хора, хору «смешанному», то есть с женскими или детскими голосами. Смешанный хор, несмотря на расширенный диапазон, часто звучит «растопыркой». Это великолепно знал Н. А. Римский-Корсаков, умевший достигать изумительного звучания смешанных хоров.

С детских лет, я любил и восхищался увертюрой из оперы «Кармен», исполняемой военным оркестром, и все мечтал о том, когда же мне придется услышать эту увертюру в исполнении таких оркестров как оркестр Мариинского или Большого театра. И когда мои мечты осуществились, я был разочарован: для моего уха, привыкшего к «узкой гармонии», симфонический оркестр с его огромными диапазонами звучал так расширенно, скрипки играли в такой высоченной тональности (ЛЯ МАЖОР), что середина мне казалась совершенно пустой. Кроме того, верхние голоса так отрывались от общего фона, что мне все казалось что-то неладным. Особенно, когда эта же тема потом в последнем акте исполнялась духовым — медным оркестром Финляндского полка. А ведь оркестр Мариинской оперы был одним из первых в мире. Потом я привык к этой гармонизации, но почему знать может быть в оркестровке и крылась какая то в начале допущенная ошибка! По крайней мере увертюра, например, «Руслана» всегда и во всех составах звучала идеально.

Корнет-а-пистоны выпускались фабриками двух типов: с вертикальными клапанами, т. е. «вентилями» и с горизонтальными. Последние в русской армии предпочитались, считалось, что, играя на них, можно было вложить «больше души». Но в настоящее время пистонов с горизонтальными клапанами совершенно нет во всем мире.

Чтобы увеличить немного диапазон медного оркестра, ввелись еще корнет-а-пистоны в тональности ЕС (МИ бемоль), расшарявшие диапазон еще на полтора тона. Этими пистонами некоторые оркестры пользовались с большой виртуозностью (на подобие, когда то бывшей роговой музыки).

Упоминаемый выше, оркестр Финляндского полка в известной теме контрабандистов (Кармен) непрерывную мелодию передавал за невозможностью пистонов Б дотянуть фразу до конца пистонами ЕС и это делалось с такой

виртуозностью, что нельзя было различить двух инструментов.

**

Насколько я в курсе дела, в современной Советской России военные оркестры имеют должную оценку и им придается большое значение. Не имею сведений о их репертуаре, но думаю, что он приблизительно таков же как был и в наше время, если отбросить неизменный «подхалимаж» — писание музыки в связи с последним постановлением партии и т. п. (Замечательные страницы по поводу сочинения военных маршей можно найти в книге Елагина «Укрощение искусств»).

Как жаль, что в эмиграции не дожил до наших дней, когда то организованный военным капельмейстером Чернецким, оркестр русской молодежи. Это была хорошая связь с прошлым и великолепное украшение русских юношеских лагерей.

**

Наконец два слова о так называемых «Полковых Встречных Маршах».

Каждый полк Российской армии имел свой марш. Но увы... в большинстве случаев это была массовая «продукция комитета при Главном Штабе». Писались они без всякого вдохновения, по шаблону и рассылались в готовом виде в полки, которые и принимали их как «свой» «полковой» марш. Мне уже здесь, в эмиграции, попались два больших тома партитур — «полковые марши полков Российской Имперской

армии», вплоть до марша 222-го Лебедянского резервного батальона. За неимением средств, я не смог их купить как редкостное издание, но успел просмотреть. Большинство произведений скудно по мелодии, убого по содержанию и являются скучной и неинтересной продукцией.

Были, конечно, исключения: я не касаюсь умышленно марша Преображенского полка, который для нас в эмиграции является символом бывшей России и потому не подлежит критике. В большинстве полков, даже гвардии, выбор маршей носил какой то почти хаотический характер. Напр. полковым маршем Л. Гв. Казачьего полка был «Свадебный марш» Мендельсона, не имевший ни русского характера и ничего общего со всем стилем прекрасных напевов вольного Дона и его истории.

Как я сказал выше, были исключения. В некоторых полках, талантливые музыканты-капельмейстеры написали несколько прекрасных маршей, и не только написали, но и смогли добиться того, что эти марши были утверждены. Так, напр., в полку, где в молодых чинах служил мой отец, капельмейстер-итальянец Сабателли написал совершенно восхитительный марш полка. Это был марш 20-го пех. Галицкого полка.

Сабателли вскоре был переведен на службу в Гвардию и был первым дирижером инвалидных концертов.

П. Волошин

ОТ РЕДАКЦИИ

В виду обнаруженной, двукратной, ошибки в надписи под портретом Императора Александра II в № 50 нашего журнала, мы приводим точные даты основания Императорских Военных Академий.

Царствование Императора Павла I — Императорская Военно-Медицинская Академия. (Медико-Хирургическое Училище 1799 г., до 1844 г. в Москве. Академия — 1881 г.)

Царствование Императора Александра I — Николаевская Инженерная Академия (Офицерские классы 3 марта 1819 г. Академия 30 августа 1861 г.)

Михайловская Артиллерийская Академия

Специальные Классы 9 мая 1820 г. Название Академии — 30 августа 1861 г.)

Царствование Императора Николая I — Николаевская Морская Академия (Сфисцерские Классы 29 января 1827 г. Академия 1877 г.) Императорская Николаевская Военная Академия (Московская Школа Колонновожатых. Академия 4 октября 1830 г.)

Царствование Императора Александра II — Александровская Военно-Юридическая Академия (Офицерские Классы 1866 г. Академия 30 марта 1867 г.)

Царствование Императора Николая II — Военно-Интендантская Академия 18 марта 1900 г.

В Орловском - Бахтина Кадетском Корпусе

(1877-1884)

Из воспоминаний Ген. лейт. Е. А. Милодановича

I.

Когда мне исполнилось 6 лет, отец начал учить меня читать и писать, а затем понемногу подготавливать к поступлению в военную гимназию (как раненый на войне, он имел право на воспитание сыновей на казенный счет в этих учреждениях). Когда мне исполнилось 10 лет, отец подал прошение об этом, через Александровский Комитет о раненых, но оно как-то запоздало и в этом году я не мог быть допущен к экзамену. Можно было, правда, спределить меня своекошным, но отец предпочел оставить меня дома и стал подготавливать к экзамену во второй класс.

На следующий год он подал прошение о принятии меня в Киевскую или Полтавскую военную гимназию (первая была ближайшей к нам), но назначили меня почему-то в Орловскую, и в начале августа 1877 года родители повезли меня в Орел. Отец передумал при этом определять меня во второй класс, чтобы дать мне время окрепнуть, и я держал экзамен в 1-й и выдержал. При расставании было пролито немало слез, а впоследствии родители мне рассказывали, что, когда моя мать плакала в вагоне, сидевшая против нее и тоже плачущая дама спросила ее, в конце концов, о причине этих слез.

«Я плачу», отвечала моя мать: «потому, что мой сын выдержал экзамен в военную гимназию, принят туда и я возвращаюсь домой без него». — «Как странно», заметила на это дама: «а я плачу потому, что мой сын провалился на этом экзамене и сидит дома!..»

Мне было тоже очень грустно остаться впервые в кругу совершенно чужих мне людей после тихой семейной жизни на хуторе. Однако, постепенно, я стал привыкать к новым условиям жизни.

Орловски-Бахтина Кадетский Корпус (в те времена — «военная гимназия») получил свое название по имени орловского помещика, давшего средства на его содержание. За это потому-ки Бахтина могли воспитываться в нем всегда на казенный счет.

Корпус находился на краю города, и близко к центру. В плане он имел фигуру «Н» и был в три с половиной этажа, белого цвета, с зеленой крышей. Перед зданием был довольно большой плац, в форме прямоугольника, окаймленный

липовыми аллеями. Плац выходил на почти такую же площадь, в ближайшей части которой стоял большой Петропавловский собор.

Из окон верхнего этажа корпуса открывался чудный вид на заречную часть города и окрестности и видны были поезда, идущие по Московско-Курской жел. дороге. В них уезжало на каникулы и праздники большинство кадет, и потому смотреть на них после возвращения из отпуска было особенно грустно.

За площадью направо шла Садовая улица, с городским театром и садом, включавшим в себя крутой берег реки Оки — любимое место кадет. По праздникам, в саду можно было полакомиться «страсбургской» чайной колбасой с очень вкусным «пеклеванным» хлебом. С левой стороны Садовой улицы было Дворянское Собрание, а за ним — главная улица города, Болховская, с лучшими магазинами, гостинницами и пр. Эта улица, замечу, была переименована в «Александровскую», но это название не прижилось.

В одной линии со зданием корпуса, стоял белый двухэтажный дом его директора. Между этими зданиями находились ворота, ведущие на 2-ой плац, почти такой же величины как 1-й, к трехэтажному дому служащих в корпусе, к бане и другим хозяйственным постройкам и, наконец, 3-й плац, самый тенистый; за ним были уже огороды а в отдалении — здания: не то — тюрьмы, не то — богоугодного заведения. На 2-м и 3-м плацу стояли «гигантские шаги» и здесь же кадеты играли в лапту.

В должности директора я застал генерал-майора Чигарева, со знаком Михайловской Артиллерийской Академии. Этот же знак носил на груди и инспектор классов полковник Шевченко. Оба они были очень симпатичные и добрые люди. Когда, впоследствии, приехав домой на каникулы, я показал их фотографии отцу, то отец, увидев у обоих академические знаки, сказал мне: «Как был бы я счастлив, если бы и ты украсился таким же знаком!» Это пожелание отца я потом исполнил, окончив Николаевскую Академию Генерального Шаба.

В каждом классе было по два отделения, каждое из которых вел особый воспитатель. Некоторые из них были штатскими, носившими особую форму: длинные черные сюртуки с золотыми плетеными погонами. Моим первым воспитателем был военный врач, статский советник Николай Яковлевич Остромысленский,

псжилой уже человек. Два-три воспитателя были запасные (один из них заведывал лазаретом).

Все классы были распределены по трем «возрастам»: 1-й и 2-ой классы, плюс 2-ое отделение 3-го, составляли 1-й возраст, 1-ое отделение 3-го класса с 4-м и 5-м классом — 2-ой (средний), 6-й и 7-й класс входили в 3-й старший возраст.

Будучи в 1-м отделении своего класса, я на третий год своего пребывания в корпусе попал в «средний» возраст. Курить — в корпусе вообще не разрешалось, но в старших классах смотрели на это снисходительно. В среднем возрасте было тоже довольно много курящих и вот, попав в него и считая себя уже «почти взрослыми», некоторые мои товарищи тоже стали курить. Попробовал и я. Курил дней десять, но, так как курение не доставляло мне никакого удовольствия, то я отказался от него на всю жизнь.

Младшему возрасту предназначался задний плац, передним и средним пользовались по очереди средний и старший возрасты, и только изредка младший. Мы все любили именно передний, так как на нем соприкасались с городской публикой и наблюдали движение по соседним улицам. Здесь же появлялись мороженщики и продавцы пряников и так называемых «курских столбиков». Всем этим можно было полакомиться.

Но когда впоследствии, после производства в офицеры, проездом домой я остановился в Орле и посетил корпус, то попробовал и эти «столбики», они уже не показались мне такими вкусными, как прежде! Впрочем, в кадетские годы мы ели и «орешки» с липовых деревьев!

Иметь деньги на руках кадетам не позволялось: они сдавались на хранение своему воспитателю. Но в воскресенье и праздничные дни на них можно было покупать сладости, что выполнял соответственный «дядька» (служитель).

Порядок дня был такой: вставали мы в 6 часов утра по сигналу трубой или барабаном, который подавался на площадке лестницы между 3-м и 4-м этажами, под большими круглыми часами. Затем в каждой камере дежурный дядька звонил в звонок. Встававшие воспитанники отправлялись сперва в «чистилку» — почистить сапоги и платье, а затем — в «умывалку»:

В 6 ³/₄ часов подавался новый сигнал, «сбор», по которому воспитанники выстраивались в своих коридорах на молитву, после которой дежурный по «возрасту» военный воспитатель отводил их в общую столовую.

Там уже были накрыты белыми скатертями столы, на которых стояли кружки с буквами «ОБВГ» (замененными в 1881-82 году буквами «ОБЖК») и большие медные чайники с чаем,

который разливался по кружкам старшим за столом. К чаю каждый получал булку, размером в 3-х-копеечную французскую. Эти булки выпекались в корпусе. После чая, воспитанники отводились строем в классные коридоры.

Начинались утренние приготовительные занятия и продолжались до 8-ми часов. В 8 часов приступали к урокам (продолжительностью в один час с 10-минутными переменами). До завтрака было три урока, а после них — «большая перемена» в один час, на которой кадеты получали завтрак. Он состоял, большей частью, из котлет, положенной на кусок хлеба и разносился на блюдах по классам. Иногда давали пироги с мясом или капустой.

После «большой перемены» было еще два урока, а потом один час посвящался строевым занятиям, гимнастике, пению и танцам. В 4 часа был обед. В столовую отводили опять в строю. Перед обедом и после него кадеты пели молитву.

На обед было всегда два блюда, по воскресеньям и праздникам — три (на третье был обыкновенно слоеный пирог с вареньем, посыпанный мелким сахаром. В царские дни нам давали еще по пакету карамели).

После обеда и до 6-ти часов вечера было свободное время. Кадеты гуляли на своих плацах, а некоторые брали уроки музыки. Я также одно время учился играть на рояле, но так как способностей к музыке у меня не обнаружилось, я вскоре оставил это.

Ст 6 до 8-ми часов вечера были подготовительные занятия. В 8 часов — чай с булкой. В старшем возрасте во время вечерних занятий давали еще (в классах) по куску хлеба.

Вообще, можно сказать, кормили нас хорошо.²⁾ Однако, в одном из классов среднего возраста был однажды «котлетный бунт»: кто то, будто бы, нашел в котлете червяка. Расследование показало, что это было плодом его воображения и в наказание за это, его отделение перестало на некоторое время получать к завтраку котлету и должны были удовлетворяться только хлебом.

Во время Великого поста кадеты постили в 1-ую, 4-ую и 7-ую неделю, и в эти же недели говели. Если не ошибаюсь, постная пища была еще по средам и пятницам в течении целого поста.

Особенно торжественно праздновался день 25-летия царствования Царя-Освободителя, Государя Императора Александра II — 19-ое февраля 1880 года. В этот день был прекрасный обед с Донским шампанским, а вместе слоеного пирога — пломбир. В этот день, кроме того, почти половина лож в театре была представлена кадетам.

По праздникам и воскресеньям в 10 часов утра и накануне их в 6 часов вечера кадет приво-

дили строем в корпусную церковь. Директор всегда присутствовал и стоял в церкви с правой стороны, возле знамени. Тут же рядом, но несколько позади, стояла его супруга с двумя дочерьми — барышнями. (Кроме дочерей у директора было еще и двое сыновей: старший кончил Николаевское кавалерийское училище, а младший — Николаевское инженерное).

II.

Преподавателями у нас были:

Закон Божий: в младших классах — настоятель корпусной церкви протоиерей Димитрий Аракин, в двух старших — о. Илия Ливанский, окончивший Духовную Академию и, между прочим, писавший стихи духовного содержания.

Русский язык: разные лица, но я помню хорошо только Дмитрия Ивановича Цветаева, впоследствии — профессора Московского университета, да еще молодого и болезненного Волкова.

Математика: в младших классах — полковник артиллерии (академик) Александр Николаевич Мацкий. Помню такой случай с ним. Однажды, в 1-м классе он потянул за ухо непонятлившего ученика и на ухе показалась кровь. Тогда он вынул из портсигара клочек папиросной бумаги, залепил ранку и, обернувшись к классу, сказал с добродушной улыбкой: «какие у них некрепкие уши!»

После объяснения нового урока, Мацкий обыкновенно обращался ко мне: «Г-н Милоданович, пожалуйста к доске, повторите». У меня были способности к математике и потому мне было достаточно прослушать только объяснение преподавателя. Я его повторял и таким образом мои товарищи слышали его всегда дважды. Однажды был такой случай: сказав мое имя и обычное «повторите!», Мацкий услышал в ответ: «Его в классе нет, он — под арестом»! — «Как под арестом?» переспросил он, вышел из класса, направился к дежурному воспитателю и вернулся в класс вместе со мной.

В старших классах математику преподавали Павел Петрович Коновалов и Николай Иванович Яковлев (который преподавал также и физику). У Коновалова был почему то всегда сонный вид и взерошенные волосы.

География: помню двух: подполковника Зубковского, у которого на правом виске была огромная шишка, так что его лицо напоминало фигуру Африки, и штатского, Архангельского, очень рослого и крупного мужчину.

Естествоведение: Николай Степанович Торчаков.

Рисование: Александр Иванович Соколов.

Чистописание: Фельдман. Он имел свое фотографическое предприятие и давал каждому

кадету карточку, на которой он почтительно раскланивался с самим собой.

Французский язык: Гаушильд. Мало, Шарпье и Десулави. Впоследствии, в 1890-92 гг. (точно не помню), находясь в Мариинском театре в Петербурге, на опере «Евгений Онегин», я был крайне удивлен, узнав в «Месье Трике» своего преподавателя Гаушильда. — Десулави был очень красивый молодой человек.

Немецкий язык: Миквиц, Менхен, Ферхов и Аусем. Последний приехал к нам в корпус прямо из Германии. Он был офицером германской армии, участник Франко-Прусской войны 1870-1871 гг. Это был весьма почтенный и добросовестный человек.

Русский язык он знал, но еще не вполне, а потому старался в нем усовершенствоваться: читал русских классиков, а в затруднительных случаях прибегал и к моей помощи. За то он разрешал мне во время уроков, когда он только спрашивал моих коллег, читать немецкие книги и обращаться к нему за разъяснениями.

Я должен сознаться, что нередко злоупотреблял его доверием и читал книги русские, положив перед собой и немецкую.

Аусем остался в России навсегда, и его сын воспитывался в кадетском корпусе.

Пению нас обучал чех Плева, а **танцам** — поляк Шаломичкий.

Старшим врачом корпуса был немец Карл Иванович Лютер, а младшим — Андрей Степанович Торчаков, брат преподавателя естествоведения.

В ноябре 1877 года, моя мать командировала моего отца в Орел провести меня. Я был очень удивлен, когда меня, в первый раз, вызвали в приемную, никак не ожидая увидеть там отца. Он пробыл в Орле три дня, и на это время я был отпущен к нему в отпуск. Между прочим отец удивился, что не увидел в Орле ни одной вывески на французском языке.

Жили мы в гостинице Толстопятова и там же проживал пленный турецкий паша с несколькими иными турками³⁾.

В этот приезд отец разыскал в Орле свою двоюродную сестру, старушку Татьяну Федоровну Зубову, вдову инженер-полковника, строителя нашего корпуса и представил ей меня. Она приняла нас по родственному и написала директору просьбу разрешить мне приходить к ней по воскресениям и праздникам с ночевкой накануне их.

Но этим разрешением я пользовался нечасто, чтобы не стеснять ее своим присутствием. Жила она тогда одиноко в небольшой квартире своего дома, так как ее единственный сын, бывший сперва здесь товарищем прокурора окружного суда, был теперь прокурором Усть-Медведицкого суда Донской области.

Когда я приходил, то большей частью проси-

живал в кабинете за книгой, так как очень любил читать, а она раскладывала в это время безчисленные пасьянсы. Кроме книг нашей библиотеки, я читал также взятые в частной, Кашкина, где был абонирован.

В конце 1877 года, когда мой старший брат Михаил, бывший в действующей армии, скончился от тифа, мои родители, не желая подвергать меня опасностям зимнего путешествия — мне нужно было ехать на лошадях 25-30 верст от ближайшей железно-дорожной станции Плиски, Курско-Киевской железной дороги — решили не брать меня к себе на Рождество. Но от простуды этим меня не уберегли!

Как раз незадолго до рождественских праздников, прокурор Зубов вернулся с семьей в Орел (перемещенный сюда), а на праздники все поехали в его имение, находившееся в нескольких верстах от одной из ближайших к Орлу станций. Они взяли и меня с собой и, хотя я и был хорошо закутан, все же простудился и заболел ангиной (к счастью — в легкой форме).

В классе я всегда сидел в средней линии парт и в правом ряду, ближайшем к двери. Моим постоянным соседом был Владимир Мелихов, донской казак Урюпинской станицы. Он был очень скромный и симпатичный мальчик, и я к нему очень привязался. Он был не очень способный и мало развитый, и мне приходилось помогать ему в занятиях. Но он отличался прилежанием, и, к моему удовольствию, я заметил, что, с течением времени, его способности стали развиваться.

Мой отец отлично подготовил меня — я уже почти был готов к экзамену во 2-ой класс, а поэтому в 1-м мне было очень легко и уже с 1-ой четверти я оказался первым учеником своего отделения и с того времени и до 7-го класса всегда был первым. Но в 7-ом классе мне пришлось временно уступить свое место Владимиру Петровичу Мамонтову⁴⁾ и оттеснить нашего постоянного 2-гоученика Николая Ивановича Мачуговского⁵⁾ на место третье.

Дело было в том, что Мамонтов был уже первым учеником этого класса в предыдущем году, но уезжал среди года по болезни за границу и потому был оставлен на второй год. Кроме того он вполне владел немецким языком, так что Аусем мне даже поэтому сказал: «Теперь ваша слава померкла».

Однако в 3-ей четверти учебного года я опять занял свое место и окончил курс первым, имея в среднем 11,8 баллов, Мамонтов — вторым, а Мачуговский — третьим. Последнего в классе называли «зубрилой», и он был единственным из нас всех, который всегда, еще в субботу, готовил уроки на понедельник!

В 1881-82 учебном году «военные гимназии» были переименованы в «кадетские корпуса», а «воспитанники» стали «кадетами». Но органи-

зация по «возрастам» оставалась при мне еще без изменения.

Ежегодно, в день престольного праздника корпуса 8-го ноября (св. Михаила), лучшим по успехам кадетам выдавались в награду книги с похвальными листами, и я таким образом каждый год увеличивал свою библиотеку сочинениями русских классиков, а в 7-м классе получил так называемую Бушенскую премию: полное собрание сочинений Пушкина в 7-ми томах.

В этот день, богослужение в корпусной церкви совершал обыкновенно местный преосвященный. После богослужения все классы вводились в большой, двухсветный конференц-зал, украшенный большими во весь рост, портретами Императоров, и выстраивались в его левой части лицом к портрету царствующего Императора.

Впереди, на возвышении, стоял длинный стол, покрытый красным сукном с золотыми кистями, на котором лежали книги и похвальные листы. За столом сидел в центре Владыка, а возле него директор корпуса, инспектор классов и почетные гости. В зале присутствовали родители и родственники кадет, и оркестр 144-го пех. Каширского полка, ежегодно приглашавшийся.

Торжество начиналось гимном, после которого зал оглашался долгим «ура». Затем инспектор классов вызывал по списку награждаемых кадет (по классам). Каждый из них подходил к столу под звуки «туша», делал поклон сидевшим за столом, получал книгу и похвальный лист и возвращался на свое место.

В этот день был традиционный обед: гусь с тушеной капустой и мочеными яблоками. Вечером был бал, охотно посещавшийся местной публикой. Были всегда на нем и воспитанницы старших классов женского института. Кадет младших классов отправляли спать раньше — старшие оставались до конца бала.

На Рождественские праздники нас распускали 20-22 декабря, в зависимости от того, когда приходилось воскресенье. Возвращались в корпус 7-8-го января. На Пасху увольняли обыкновенно в Страстную среду до Фомина воскресения включительно. Если Пасха была поздняя и близки были каникулы, я и некоторые иные, кому на дорогу требовалось много времени, на Пасху домой не уезжали. На Рождественских праздниках в корпусе устраивались вечера и концерты, наличных кадет водили также в театр.

III.

После переезда младших Зубовых в Орел, они заняли большую квартиру в доме тетки. Ее усадьба находилась в Узком переулке, проходившем от Введенской улицы, и выходила на

реку Орлик, а рядом была другая, тоже на берегу Орлика, принадлежала семье, в которой местные жители узнавали семью Калитиных из «Дворянского Гнезда» И. С. Тургенева.

При доме был большой сад, в котором я весной и летом любил сидеть с книгой в руках. Zubov обладал приятным баритоном и был в дружбе с моим преподавателем французского языка Гаушильдом (будущим «Месье Трике»). Поэтому мне часто приходилось передавать ноты, или записки, от одного другому.

Н. Я. Остромысленский довел наше отделение до 3-го класса. Его затем принял, прикомандированный для испытания, штабс-капитан артиллерии Александр Николаевич Ступин. Ко мне он очень хорошо относился, и я бывал у него по праздникам. Он имел молодую жену и двух маленьких детей. Супруги были замечательно дружные и называли друг друга «папочка» и «мамочка». Его и мы стали называть «папочкой».

О Ступине я сохранил самые лучшие воспоминания, но встретился с ним впоследствии только однажды. Это было уже во время 1-ой Мировой войны. Мы оба — начальники дивизий — встретились на тротуаре в Петербурге. Он сильно пополнил и отпустил довольно большую бороду. Но он узнал меня своими воспитательскими глазами и окликнул, хотя со дня моего выпуска из корпуса прошло 29 лет!

Поговорив несколько минут на улице, мы продолжили потом беседу на Варшавском вокзале до отхода поезда (он уезжал на фронт). И это было все!

Ступин довел наше отделение до 6-го класса, а потом его сменил подполковник Н. П. Потоцкий.

Из рукописи извлек:
В. Е. Милоданович

(Окончание следует)

ОБЗОР ВОЕННОЙ ПЕЧАТИ

Ю. А. СЛЕЗКИН — Две семьи. Повесть, Буэ-нсс-Айрес.

Счень уютно, трогательно автор изображает патриархальную военную семью, тесную моральную связь отца и сына. Оба они кавалерийские офицеры, отец уже в отставке и в семье же слуга-друг. Сын окончил кадетский корпус а о сущности кадетского воспитания будущих офицеров, о значении его для армии и государства мнение могло быть лишь совершенно определенное. Бывший кадет, прежде всего, был государственным. Молодой Соболев, герой этой повести, впитал в себя все прекрасные традиции кадетского воспитания и славные традиции Николаевского кавалерийского училища. Из них, основные: верная служба Царю и Отечеству, сознание святости присяги и понятие о чести мундира. Вот почему, те кто задались целью разрушить русскую государственность, стремились, в первую голову, нанести удар по офицерскому составу.

Представитель «другой семьи» прогрессивный общественный деятель, родственник Соболе-

вых, встретил молодого, только что произведенного офицера Соболева пренебрежительно: «А, будущий Суворов...» «Оплот и защита «дорогого Отечества»... и, с кислой миной, подставил ему щеку для поцелуя, а сын Николай, будущий комиссар, еле-еле поздоровался со своим двоюродным братом. Все делалось этими господами чтобы опорочить офицеров. Печать, состоявшая на службе у революции, изощрялась в изображении офицера недалеким, никчемным а вот «никчемными-то» и оказались те самые хулители старой России, когда им удалось достигнуть власти.

Автор, живыми красками, написал портрет одного из них, Хлюстина, покинувшего «дорогую родину», для спасения своей драгоценной жизни, укрывшись за спинами белых воинов. В повести страницы посвящены их деятельности в эмиграции. Но, и в этой уродливой семье выросла здоровая русская девушка. Читается повесть легко и оставляет приятное впечатление.

Л.

Хроника «Военной Были»

ГВАРДЕЙСКИЕ КОННО-ЕГЕРЯ — 1814 год ГВАРДЕЙСКИЕ ДРАГУНЫ с 1833 г.

В память окончания войны 1812-1814 гг., и занятия с боя столицы Франции, Император Александр I приказал, в составе Гвардейского корпуса, сформировать Конно-Егерский полк.

Формирование новой части было поручено Начальнику дивизии Генерал-Адъютанту Васильчикову I, под непосредственным наблюдением и руководством Цесаревича Константина Павловича. В новый полк назначались офицеры и нижние чины из наиболее отличившихся в боях Георгиевских кавалеров.

Одинадцать гусарских полков (Сумской, Павлоградский, Елисаветградский, Мариупольский, Александрийский, Гродненский (впоследствии Клястицкий), Белорусский, Лубенский, Изюмский, Ахтырский и Ольвиопольский (впоследствии расформированный) и четыре конно-егерских (Северский, Черниговский, Дерптский и Арзамсский) (все четыре расформированы в 1833 г.) дали первые кадры для нового полка.

Формирование происходило в Версали и полковой праздник установлено на 19 марта, день вступления русских войск в Париж.

30 апреля 1814 года последовало Высочайшее Повеление о даровании полку прав Молодой Гвардии, таким образом, лейб-гвардии Конно-Егерский полк, при самом своем рождении, удостоился права, которое другие части получали за отличие в боях. Эту милость Государя заслужил первый сотав полка, весь созданный из чинов, прошедших со славою боевую школу и, таким образом, сделавших из полка живой памятник славе Российской кавалерии.

В 1833 году, все Конно-Егерские полки были переименованы в драгунские и лейб-гвардии Конно-Егерский полк, Высочайшим Приказом от 3 апреля 1833 года, был наименован Лейб-Гвардии Драгунским.

сообщил Д. ДЕ-ВИТТ

ОТ РЕДАКЦИИ

В № 54 журнала, в статье Б. Н. Сергеевского «Мост на Стыри у деревни Новоселки» вкралось несколько недочетов и пропусков, которые редакция просит исправить: 1) На стр. 25-й 2-й столбец строки 18-20 сверху, надо читать: «какие-бы то не было распоряжения» и слово «помощь» надо выкинуть. 2) На стр. 27-й, в начале 1-го столбца выпала строка: «ну, а вы?». 3) На стр. 28-й. 2-й столбец строка 28-я сверху напечатано «телеграф» вместе «телефон» и на строке 32-й выпали слова: «и эти мальчишки были применены», (после «тонкий провод»).

БАТАЛЬОН ПРЕОБРАЖЕНСКОГО ПОЛКА В ТИЛЬЗИТЕ

«Батальон Русской гвардии содержал караулы в русской части города. Солдаты, которые его составляли, поражали своей вымуштрованностью. Мне случилось наблюдать четверть часа двух часовых, поставленных у входа в дом, который занимал Император Александр. Я не помню, держали-ли они ружье на плече или к ноге, но они сохраняли такую неподвижность, что я не смог поймать даже моргание глаз. Это было прямо нестерпимо...»

«Императорская Гвардия дала обед русским и прусским гвардейцам. Наши гренадеры подвыпили, пруссаки перепились, русские почти не пили. Я спросил одного гренадера Александра, почему он не пьет, он отвечал: «если-бы я пил больше, то напился-бы и если-бы я напился, то наш Государь сказал-бы что я свинья и это его-бы огорчило».

(Из записок полковника французской службы Тибо)

извлек С. АНДОЛЕНКО

ПУТИ ПОЛКОВЫХ ИСТОРИЙ БЫВАЮТ НЕОЖИДАННЫ

В текущем 1962 году, Датский Гвардейский Гусарский полк, в его голубых доломанах, голубых чакчирах, малиновых ментиках с белыми шнурами и султанами на шапках, будет праздновать свой 200-летний юбилей.

А подумать, что не будь Императора Петра III, объявившего поход на Данию, не было-бы и этого красочного датского полка, который был наскоро сформирован, в ожидании нашествия нашей легкой кавалерии, сражаться против которой было-бы не по плечу старомодной датской тяжелой кавалерии, сотоящей из рейтаров (кирасир) и драгун...

Тихон Николаевич КУЛИКОВСКИЙ

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

Получил № 54 журнала, который весь очень интересен и свидетельствует, что «ВОЕННАЯ БЫЛЬ» правильно понимает задачу: сохранение в памяти потомства подвигов и страданий Российской Армии (в большом и малом) таким и в такой обстановке, как это действительно происходило на глазах свидетелей. И, при этом, «Военная Быль» не держится недостойной практики многих, почти вошедшей в традицию, обходить и прикрывать отрицательное, особенно, если оно происходило по вине набольших. Но, не держась подобной практики, «Военная Быль», отнюдь не переходит в критиканство.

Читатель

Материалы к библиографии Русской Военной печати за рубежом

(Продолжение)

- Е. СЕМЧЕВСКАЯ — Очерки из Сибирского Ледяного Похода, 1919, 1920 изд. Шанхай, 26 стр.
- «Его Императорское Высочество Великий Князь Сергей Михайлович». Сборник воспоминаний о жизни Августейшего Генерал-Инспектора артиллерии и о развитии артиллерии в его время. Изд. Об-ва Русских артиллеристов. Белград 1934 г. 116 стр. боль. форм. со многими иллюстрациями. Редактор полковник С. И. Лаптев.
- СЕРГЕЕВСКИЙ Борис Никол. полковник Ген. Штаба — Пережитое (1914). Подневные воспоминания автора об объявлении 1-й мировой войны и его службе в штабе 22 арм. корпуса и 3-й Финляндской стрелковой бригады в 1914 г.
- История военного искусства. Лекции читанные на Зарубеж. Военно-научн. курсах ген. Головина в Белграде. Составлены слушателем капитаном Румянцевым, под редакцией лектора. Белгр. 1939 г. 180 стр. и атл. черт.
- Прошлое Русской Земли. Краткий историч. очерк. Изд. «Россия», Нью-Йорк, 1954 г. 160 стр. со схемами и иллюстр.
- В Киеве в 1121 году и На Куликовом поле. Две одноактные сцены, при пьесе «в Сокольском лагере». Белград, 1937 г. апрель 1929 г. Редакторы корабельн. гарде-СЕРЕБРЕННИКОВ И. И. — Великий отход. Рассеяние по Азии белых Русских армий 1919-1923 гг. изд. Зайцева Харбин 1936 г. 264 стр.
- «СИБИРСКИЙ КАЗАК» — 1582-1932 гг. — Войсковой юбилейный сборник Сибирского Казачьего Войска под ред. Е. П. Березовского Харбин 1934 г. 306 стр. со мног. иллюстр. на меловой бумаге 26 илл. на отдельн. листах. Наше прошлое до войны 1914 г.
- «СИГНАЛ» журнал неперидический. Изд. Париж вышло два номера: ноябрь 1927 г. и апрель 1929 г. Редакторы корабельн. гардемарины А. П. Покотило и Н. И. Цветков.
- СКУРАТОВ К. Н. полковник — Мирное и боевое прошлое лейб-гвардии Конно-Гренадерского полка (материалы к его истории) том I — Париж 1938 г. 306 стр. том II Париж 1940 г. 439 стр. том III — Париж 1940 г. 352 стр. том IV — Париж 1946 г. 350 стр. том V — Нью-Йорк 1959 г. под ред. полк. Н. Д. Плешко том VI — Париж готовится к печати под ред. ротмистра А. А. Скрыбина.
- Все тома на ротаторе с многочисл. наклееными фотографиями. Художеств. печатная обложка полковых цветов.
- СЛАВЯНОФИЛ — Чешские аргонавты в Сибири. Изд. Токио 1927 г. 26 стр. и 22 стр. приложений.
- СЛАЩЕВ-КРЫМСКИЙ, Яков Александр. генер.-лейтен. — Требую суда общества и гласности (оборона и сдача Крыма) Мемуары и документы. Изд. Константинополь 1921 г. брошюра в 93 стр.
- СЛЕЗКИН Ю. А. полковник — Голубые гусары изд. Буэнос-Айрес 1953 г. 8 рассказов из военной жизни. Описание боя у Ярославце. 36 стр.
- Три встречи изд. Буэнос-Айрес 1956 г. 5 рассказов из военной жизни 56 стр.
- Две семьи изд. Буэнос-Айрес 1961 г. повесть из военной жизни. 77 стр.
- СЛИВИНСКИЙ А. полковник Генераль. Штаба — Конный бой 10 кавалерийской дивизии под. д. Ярославце 8 августа 1914 г. 56 стр. 33 схемы. изд. Сербия 1921 г.
- СМИРНОВ М. В. Кап. I р. — Адмирал Колчак брошюра издания Военно-Морского Союза Париж 1930 г. 60 стр. с портретом адмирала Колчака.
- СМОЛЕНСКИЙ С. — Крымская катастрофа. Записки офицера. Брошюра изд. София 1921 г. 15 стр. и одна карта.
- СТАНКЕВИЧ В. — Воспоминания 1914-1919 гг. 356 стр. Нью-Йорк цена 70 центов.
- СТАХЕВИЧ М. А. лейтенант — Полярная экспедиция лейтенанта А. В. Колчака в 1903 году. Изд. Прага 1933 г. август. Русская Морская Зарубежная Библиотека № 27 31 стр. портрет и фотография отдельно наклеенная.
- Братья П. и К. СТЕФАНОВИЧИ — «Общество старых офицеров лейб-гвардии Конно-Гренадерского полка» (1651-1926) составлена по случаю 275 летнего юбилея полка: Выдержки из полковой истории. 7 страниц на пишущей машинке. Издание именное и нумерованное. В продажу не поступило.
- Памятка об-ва старых офицеров лейб-гвардии Конно-Гренадерского полка изд. 1929 г. 16 стр.
- Варшава 1831-1931 гг. 16 стр. с портр. Цесаревича Константина Павловича изд. Париж 1931 г.
- СТРАКАЧ полковник — Памятка о жизни Николаевцев за рубежом. Изд. Об-ва быв. юн-

- керо́в Николаевского кавалер. училища. Париж 1936 г. цена 3 фр.
- СУВОРИН Б. А. — За родино́й Воспоминания о Ледяном походе (1917-1918) Впечатления журналиста. Париж 1922 г. 250 стр.
- Барон. Скупой рыцарь. Рассказы из военной жизни. Изд. Малык и Камкина Шанхай 1932 г. 97 стр.
- СУРНИН ген. майор Генер. Штаба — Партизанская война Лекция изд. Владивосток 1922 г. изд-ние Штаба 2 Стрелкового корпуса 46 стр.
- СУХОМЛИНОВ, Влад Александр. — Воспоминания изд. Берлин Русское Универсальное Издательство. 1924 г. 438 стр.
- Великий Князь Николай Николаевич Младший. Очерки за рубежом изд. Берлин 106 стр. изд. автора.
- «С ЭСКАДРОЙ РОЖЕСТВЕНСКОГО». Сборник статей посвященных 25-летию похода II-й Эскадры Тихого Океана. Изд. Прага 1930 г. 150 стр. Приложение полный список офицерского состава II-й Эскадры Тихого Океана по кораблям.
- «С БЕРЕГОВ АМЕРИКИ» — Юбилейный исторический сборник о-ва Русских морских офицеров в Америке 1923-1928. под редакцией С. В. Гладкого и Ю. К. Дворжицкого. Обложка работы Н. К. Арцеулова. Изд. Нью-Йорк 1939 г. Русская Морская Зарубежная Библиотека № 58, 356 стр
- ТАНУТРОВ Георгий — Общество бывших юнкеров Николаевского кавалерийского училища. Париж 1935 г. 24 стр. с группой выпуска 1907 г.
- ТАРАКАНОВ — Служба Генерального Штаба. Белград 218 стр. 13 схем.
- Тактика броневых частей. Белград. Лекции, читанные на младшем курсе Курсов ген. Головина в Белграде, в 1931-1932 уч. гг. 72 стр.
- ТАРСАИДЗЕ А. Г. — Морской корпус за четверть века 1901-1925 года. Изд. Нью-Йорк 1944 г. 88 стр. приложение: списки всех, окончивших корпус с 1901 года. Русская Зарубежная Библиотека № 68.
- ТАРУССКИЙ Евгений (Е. А. Рышков) — Экипаж «Одиссеи» изд. Париж 1928 г. 188 стр. с илл. ПЭМА.
- Дорогой дальнею роман 203 стр. изд. Париж 1932 г.
- Барон ТАУБЕ Георгий Никол. старший лейтен. — Описание действий Гвардейского Экипажа на суше и на море в войну 1914-1917 гг. изд. журнала «МОРСКИЕ ЗАПИСКИ» Нью-Йорк 1944 г. 36 стр. с портретом Годаря Николая II и Наследника Цесаревича Руская Морская Зарубежная Библиотека № 69.
- «ТЕРСКИЙ КАЗАК» — ежемесячная информация Терской канцелярии № 4 июль 1936 г. имеет 16 стр. Всего вышло 42 номера начиная с 1935 г. и кончая 1939.
- ТИМИРЕВ С. Н. контр-адмирал — Воспоминания морского офицера. Балтийский флот во время войны и революции (1914-1918) с картой восточной части Балтийского моря. изд. Американского об-ва для изучения Русской морской истории. Нью-Йорк 1961 г. 172 стр. с портретом автора.
- ТИХМЕНЕВ Н. М. ген. лейтен. — Из воспоминаний о последних днях пребывания Императора Николая II в Ставке Издание Кружка ревнителей Русской Истории. Ницца 1926 г. 32 стр.
- ТИХОЦКИЙ Е. — Атака Австро-Венгерской конницы на 2-ю Сводно-Казачью дивизию под м. Городком 4 августа 1914 г. изд. Белград год не указан 24 стр. чертежи корнета Я. Прозорова.
- Атака I Линейного полка Кубанского казачьего Войска в боях под г. Чертков и Бучач 22 и 29 августа 1914 г. и гибель I австро Венгерской Конной батареи. Изд. автора Белград 1935 г. 40 стр.
- ТОЛСТОВ генерал, Атаман Уральского Казачьего Войска — От красных лап в неизвестную даль (поход уральцев) Константинополь 1921 г. 310 стр. с оригинальным рисунком художника Козьмина.
- Барон ТОРНАУ С. А. — С родным полком изд. Берлин 1923 г. 138 стр.
- ТРЕТЬЯКОВ Б. Н. полковник составил по книге ген. Людендорфа; Генерал Людендорф, мысли о войне и революции. Изд. София 1922 г. 68 стр.
- Князь ТУМАНОВ, Язон Константинович — Мичмана на войне изд. Прага 1930 г. 236 стр. издание автора при содействии «Морского Журнала».
- ТУРКУЛ Антон Васильевич генерал-майор — Дроздовцы в огне Живые рассказы и материалы в обработке Ивана Лукаша 1-е изд. Белград 1937 г. 324 стр. с фотогр. 2-е издание в Париже.
- УСПЕНСКИЙ А. А. — На войне. Восточная Пруссия — Литва. 1914-1915 гг. Воспоминания. Прилож. — 4 схемы, изд. автора. Литва Каунас 1932 г. 226 стр.
- В плену — Воспоминания офицера в трех частях, часть I — 1915-1916 изд. Каунас Литва 1933 г. 164 стр. цена 70 амер. цент. часть II — 1916-1917 гг. изд. Каунас Литва 1934 г. меньшего формата. 180 стр.
- УСТИНОВ — Записки Начальника контр-разведки (1915-1920) изд. Берлин Н. В. Майера 1923 г. 144 стр.

Алексей ГЕРИНГ

(Продолжение следует)

Принимается подписка на 1962 года на ежемесячную военно-национальную газету

« ВЕСТНИК »

Издание Обще-Кадетского Объединения под редакцией А. А. Геринга

Двенадцатый год издания

Подписка принимается по адресу редакции: 61, рю Шардон-Лагаш, Париж 16 а также у всех представителей «ВОЕННОЙ БЫЛИ» и «ВЕСТНИКА».

Подписная цена с пересылкой на год: 7 нов. фр. в странах заокеанских — 2 дол. 40 ц.

Почтовый Счет «Le Passé Militaire» 3910 - 12 Париж

Журнал «ВОЕННАЯ БЫЛЬ» можно получить:

Париж — в Конторе журнала — 61, rue Chardon - Lagache, Paris 16 и в русских книжных магазинах.

Брюссель — у И. Н. Звездкина — 1, Chemin Ducal, Tervuren. Bruxelles.

Лондон — а) у В. В. Барачевского — 23, Alder Grove, London N. W. 2, б) у Д. К. Краснопольского — 19, Warwick Road, London S. W. 5.

Германия — у И. Н. Горяйнова — Hamburg-Postamt 33, Deutschland. Postlagernd.

Копенгаген — у Г. П. Пономарева — Bredgade 53, Copenhagen.

Италия — у В. Н. Дюкина — Via Nemorense 86, Roma.

Сев. Ам. С. Ш. — а) в Обще-Кадетском Объединении у В. А. Высоцкого, 410, Riverside Drive Ap. 103 A. New-York 25. б) в Обще-Кадетском Объединении у Г. А. Куторга — 272, 2 Avenue San-Francisco 18, в) у С. А. Кашкина — P.O. Box 68, Bellerose 26, L. I., N. Y.

Канада — у Б. Л. Орешкевича, 167, Chisholm Ave Toronto 13, Ont.

Австралия — а) у В. Ю. Степанова, 57, rue Bruce, Stanmor (N.S.W.); б) у Н. А. Косач, 16, Valmai Ave. King's Park, Adelaide, South Australia.

Венесуэла — у К. А. Келльнера — 24, av. Sarria, Caracas.

Аргентина — у Т. Бордокова, Zapiola 4192 Buenos - Aires, Argentina.

Литературно-политические тетради

« ВОЗРОЖДЕНИЕ »

Независимый орган национальной мысли.

37-й год издания.

Адрес редакции:

73, Avenue des Champs Elysées, Paris 8e.

« МОРСКИЕ ЗАПИСКИ »

под ред. стар. лейт. барона Г. Н. ТАУБЕ.

Вышел и разослан подписчикам №1/2(56)
т. XX 1962 г.

Подписная цена — 3 дол. в год.

Представитель на Францию:

В. И. Яковлев, 5 bis, rue de Tourville,
St. Germain en Laye (S. et O.)

Продаю коллекцию Русского холодного оружия 18 - 19 - 20 века. Интересующихся обращаться по следующему адресу:

A. v. Lohmann

8000 München 13

Hiltenspergerstr. 69/II

Deutschland

ВЫШЕЛ ИЗ ПЕЧАТИ И ПОСТУПИЛ В ПРОДАЖУ

СБОРНИК ПАМЯТИ
ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ КОНСТАНТИНА КОНСТАНТИНОВИЧА
ПОЭТА К. Р.

ИЗДАНИЕ СОВЕТА ОБЩЕ-КАДЕТСКИХ ОБЪЕДИНЕНИЙ.

Продается в Конторе Издательства 61, рю Шардон-Лагаш, Париж 16.

Цена — 21 нов. фр., страны заокеанские — 5 амер. долл.

**НА СКЛАДЕ ИМЕЮТСЯ СЛЕДУЮЩИЕ
КНИГИ, ДОХОД ОТ ПРОДАЖИ КОТОРЫХ
ИДЕТ В ПОЛЬЗУ ИЗДАТЕЛЬСТВА.**

История лейб-гвардии Конного полка —
300 нов. фр.

К. С. ПОПОВ — Лейб-Эриванцы в Великой
войне — 25 нов. фр.

А. Л. МАРКОВ — Кадеты и юнкера —
20 нов. фр.

Финляндские драгуны —
20 нов. фр.

Генерал А. А. фон-ЛАМПЕ — Пути верных
16 нов. фр.

Контр-адмирал ТИМИРЕВ — Воспоминания
морского офицера — 15 нов. фр.

Генерал-майор А. И. СПИРИДОВИЧ — Ве-
ликая война и февральская революция,
в 3-х томах — 90 нов. фр.

Г. В. МЕСНЯЕВ — За гранью прошлых дней
— 12 нов. фр.

Г. И. ИШЕВСКИЙ — Честь — 8 нов. фр.

Князь П. П. ИШЕЕВ — Очерки прошлого —
7 нов. фр. 50 сант.

П. В. ПАШКОВ — Ордена и знаки отличия
гражданской войны — 6 нов. фр.

ЮРИЙ СЛЕЗКИН — Две семьи —
5 нов. фр.

БУЛГАКОВ — Русский и герм. воен. мир о
творчестве К. С. Попова — 4 нов. фр.

Б. М. КУЗНЕЦОВ — 1918 г. в Дагестане —
8 нов. фр. 50 сант.

Б. М. КУЗНЕЦОВ — В угоду Сталину, том
II — 11 нов. фр. 50 сант.

ПОСТУПИЛА В ПРОДАЖУ

В. В. Звегинцов

Хронология Русской армии
1700-1917 часть II

Хронологические указатели всех пехот-
ных, кавалерийских и казачьих частей, в
порядке основания их, с названиями ко-
торые часть, последовательно, носила и
ее судьбой.

Тетрадь 25 x 32 сантим. 174 стр. на ро-
таторе. Цена с пересылкой — 42 нов. фр.
или 8 ам. дол. 50 ц.

Имеется еще некоторое количество эк-
земпляров части I — формирование, пере-
именование и расформирование всех ча-
стей Русской Армии, расположенные по
царствованиям и родам оружия. Тетрадь
25 x 32 сантим. 240 стр. та-же цена.

Формы Русской армии 1914 г. тетрадь
— 132 стр. текста и 120 таблиц для рас-
крашивания. Цена тетради и таблиц —
110 нов. фр. или 23 америк. дол.